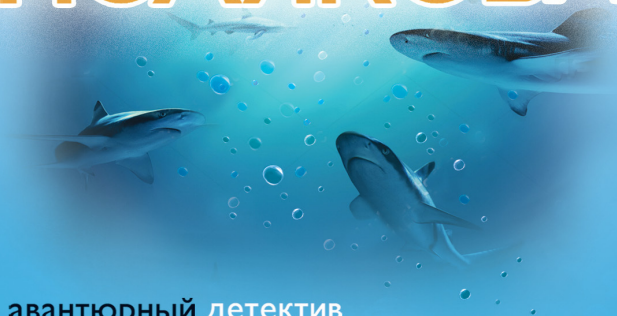

ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ МАЧО

ТАТЬЯНА ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова
ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ МАЧО
Серия «Ольга Рязанцева», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119798

Эксклюзивный мачо: Повесть.: Эксмо; М.; 2004

ISBN 5-699-05359-X, 5-699-05576-2

Аннотация

Что делать скромной девушке, когда крутые мачо начинают играть в свои крутые игры? Ясно – держаться подальше. Только вот у Ольги Рязанцевой это не получается. Вечно она умудряется влипнуть в историю. На шикарной яхте перерезали горло некой Анечке – разумеется, главный подозреваемый – Ольга. Дальше – больше, гибнут один за другим свидетели этого убийства, и все после того, как поговорят с Ольгой. Схватились не на жизнь, а на смерть два авторитета, и кто встрял в эту схватку? Естественно, Ольга. Ведь она ищет убийцу, а дело это хлопотное и опасное. Правда, попутно можно найти сердечного друга. Только одно портит настроение: убийца тоже, скорее всего, разыскивает Ольгу...

Татьяна Полякова

Эксклюзивный мачо

Лялин застенчиво улыбался, стоя на пороге моего дома. Застенчивость шла ему так же, как мне буйная радость, которую я в настоящий момент пыталась изобразить. Мы одновременно засмеялись, в основном над своими напрасными усилиями, и вновь стали походить на нормальных людей.

– Привет, – сказал Лялин, перешагнул порог и запечатлел на моем лбу братский поцелуй. Я ухватила его за уши и приложила к губам. – Ох ты господи, – хмыкнул он, но остался доволен.

– Проходи, – милостиво предложила я, и он опасливо внедрился в мою квартиру, без конца оглядываясь, точно ожидая подвоха. На самом деле он испытывал неловкость. По большому счету заглядывать ко мне ему совершенно без надобности и вразумительного предлога, под каким ему сделать это, он не придумал, вот теперь и вертелся, как уж на сковородке.

Надо полагать, он явился проверить слухи, что ходят обо мне в народе. Если верить общественности, я пью ведрами, окончательно потеряла человеческий облик и по этой причине не выхожу из дома.

Я с недовольством уставилась в спину Лялина. Ладно дураки болтают, на то и дураки, но Лялин-то умный, чего ж

тогда верит во всю эту чушь? Не мешало б проучить его как следует. К примеру, учинить пьяный дебош. А что, прямо сейчас и учиню.

Лялин между тем прошел в кухню, устроился в моем любимом кресле и спросил:

– Ну, как там в Греции? По-прежнему все есть?

– На то она и Греция.

– Жениха нашла? Небось от мужиков отбоя нет.

– С чего ты взял? – нахмурилась я, поражаясь чужой прозорливости.

– Уж больно распустилась.

– Это в каком же смысле? – заподозрила я подвох.

– В смысле, расцвела. Слушай, помнится, ты как-то болтала о том, что вполне способна полюбить бедного немолодого человека?

– Тебя, что ли? Так ты не бедный. Полюбить-то я по-прежнему готова, но почему-то не рассчитываю на ответное чувство. Ты чего пришел? Если спасать...

Лялин махнул рукой.

– Спасать тебя нет нужды, это мне доподлинно известно. К тому же я в спасители не гожусь. Опять же, мне твои слова обидны. Просто зайти по старой памяти уже нельзя?

– Можно. Но, зная тебя как очень занятого человека, весьма сложно представить, что ты болтаешься по гостям.

– Для тебя я всегда рад сделать исключение. – Олег улыбнулся и взял меня за руку, взгляд стал иным, теперь он смот-

рел на меня заинтересованно и даже с нежностью. – Как дела? – спросил он тихо.

– Нормально, – честно ответила я, высвободила руку и устроилась в кресле напротив.

– Чем думаешь заняться?

Я пожала плечами, потому что сама еще толком не знала.

– Дед назад не звал?

– Нет, – покачала я головой.

– Странно.

– Чего же тут странного? Мы утомили друг друга, надо немного отдохнуть.

– Значит, ты вполне допускаешь, что можешь вернуться?

– В его команду? – удивилась я. – Забавно, что ты об этом спрашиваешь. – Я покачала головой и усмехнулась, а Лялин вновь спросил:

– Ну так да или нет?

– Нет.

Он кивнул и почесал бровь, размышляя о чем-то.

– Прозвучало очень категорично, – заметил он едва ли не с печалью.

– Тебя это удивляет? – не поверила я.

– Скорее беспокоит. Наверное, я человек привычки, невозможно представить тебя занятой чем-то другим. Ты была его доверенным лицом. Конечно, это не всегда... приятно, – с трудом нашел он нужное слово, – но, согласись, кое-какие преимущества все же были. Дед – это Дед, и ты в этом

городе кое-что значила.

– А теперь не значу ничего и ничуть этому не огорчаюсь.

– Серьезно? – Теперь Лялин смотрел с надеждой, точно ребенок в ожидании подарка.

– Серьезно, – ответила я, хотя за мгновение до этого намеревалась послать его к черту. – Я была его доверенным лицом, а ты начальником его охраны. Теперь ты работаешь в своей фирме, получаешь приличные бабки и всем доволен. Или нет?

– Доволен, – улыбнулся Лялин.

– А что мне мешает?

– Да я не о работе, – вновь вздохнул он. – Как раз работа волнует меня меньше всего. Найдешь чем заняться. На худой конец вернешься в убойный отдел. Зарплата тебя не тревожит, так что будешь работать не за деньги, а за идею. Но... я был только его начальником охраны, ты – другое дело. Дед...

– Заменял мне отца, – подсказала я, – а потом был моим любовником. Потом стал политиком, и я помогала ему в меру сил. До политики мне дела было мало, а он человек родной... Но Дед перегнул палку. И я ушла. А как только ушла, поняла, что сделать это надо было раньше, потому что почувствовала огромное облегчение. На этом, я надеюсь, мы и закончим.

Лялин перегнулся и похлопал меня ладонью по колену.

– Извини, – сказал он смущенно, что было ему так же свойственно, как и застенчивость. – Старею, наверное. По-

чему-то жалко его стало.

– Деда?

– Деда.

– Мне тоже жалко, – согласно кивнула я. – Но позволь я ему оставить все как прежде... в общем, себя мне жаль еще больше.

– Извини, – повторил Лялин, и я всерьез начала думать, что люди с возрастом меняются. Услышать от Лялина два раза подряд «извини» – это слишком для моих нервов. В голове возникают глупые мысли, к примеру, хочется припасть к его груди и пожаловаться, неважно на что, главное, чтобы он по головке погладил и сказал что-нибудь жизнеутверждающее, а потом мы бы вместе поплакали и пошли встречать рассвет... «Лялин стареет, а я глупею», – со вздохом решила я и весело подмигнула ему.

Он засмеялся и вдруг заявил:

– Я, собственно, к тебе по делу.

– Да?

– Ага. У моего босса есть приятель Сафронов Петр Викентьевич. Может, слышала о таком?

– У него молокозавод где-то на Поварской?

– И завод, и маслосырбаза. Не знаю, как это правильно называется, дело не в этом, а в том, что дядя этот очень беспокойный. Кругом бедолаге враги мерещатся.

– Охрана у него есть?

– Есть. На самом деле ни в какой охране он не нуждается.

Нет у него врагов, которые желали бы ему смерти. Дела его идут неплохо, но никому он здесь не мешает. Короче, нервный тип с фантазией. Только и всего. Но моего босса успел достать, и тот, естественно, обратился ко мне.

– И что сделал ты?

– Полюбопытствовал, как обстоят дела.

– То есть раскопал всю подноготную Сафронова, – улыбнулась я.

– Можно сказать и так, – не стал спорить Лялин. – И могу с уверенностью заявить – дядя бредит.

– Но с чего-то он начал беспокоиться? – заметила я скорее из вредности, потому что верила Лялину, он из тех людей, что слов на ветер не бросают.

Олег едва заметно поморщился.

– Два месяца назад было совершено нападение на их экспедитора. Да ты, должно быть, слышала. Парня поджидали возле его дома, выстрелили в упор, без предупреждения, он даже ничего не понял. Забрали деньги и смылись.

– Парень жив?

– Жив. В рубашке родился. Скоро из больницы выпишут.

– Так, может, Сафронов не зря беспокоится?

Лялин вновь поморщился.

– Ему давно надо было это сделать. Об элементарной осторожности там слыхать не слыхивали. Экспедитор возвращается в два часа ночи, в сумке весьма приличные деньги, он один, ставит машину на стоянку и двигает домой с этими са-

мыми деньгами. И после этого удивляется, что экспедитор оказался в больнице. Прознали про эти скверные привычки, и вот результат. Не удивлюсь, если кто-то из своих постарался. И про крупную сумму знали, и про то, когда вернется. Короче, к безопасности Сафронова этот случай не имеет никакого отношения.

– Допустим. И что дальше? – кивнула я, не очень понимая, куда клонит Лялин.

– Надо его отвлечь от глупых мыслей. Хочется ему надежную охрану, он ее получит.

– Ну... – пожала я плечами.

– Гну, – передразнил Лялин. – Вот ты с ним и поработай.

Я скривилась, услышав о таком счастье.

– Спятил совсем? Какой из меня телохранитель?

– Так он и не нужен. Говорю же, у парня глюки на нервной почве. Тут не телохранитель важен, а имя. Твое ему понравится. Ты человек известный и пользуешься уважением. Пользуешься, – повторил Лялин, видя, как мою физиономию вновь перекосило. – Он будет счастлив, вот увидишь. Немного потаскаешься с ним туда-сюда, денег заработаешь, а главное, окажешь мне неоценимую услугу.

– Знаешь, что я думаю, – немного посверлив его взглядом, сказала я, – ты все это нарочно придумал. Потому что решил, что я сижу здесь без всякого дела и теряю остатки разума. Того гляди с катушек съеду или вправду запью. Большое тебе

спасибо за заботу.

– Если ты не согласишься, придется задействовать кого-то из моих ребят. Причем не одного. У людей семьи, не могут они сутками на работе пропадать. А у меня и так людей не хватает, отпуска, а работы завались. Говорю тебе, этот тип никому не нужен. А тебе сейчас совершенно нечего делать, сама только что сказала. Не знаю, с чего ты решила, что я такой благородный и сильно печалюсь о том, как ты проводишь свое время. На самом деле я эгоист и надеюсь устроить свои дела за чужой счет, пользуясь нашей давней дружбой.

– Иди ты к черту, – отмахнулась я.

– Подумай над моим предложением и ответь мне «да», – сказал Лялин, поднялся и направился к двери. Я побрела за ним. – Почему бы нам как-нибудь не выпить вместе? – предложил он на прощание.

– Обязательно, – кивнула я, он раскинул руки, а я припала к его груди.

– Не скучай, дорогая, – пропел он дурашливо.

– Мое сердце не вынесет долгой разлуки, – ответила я, и на том мы расстались.

Лялин ушел, а я отправилась в кухню пить чай. Разговор неожиданно произвел на меня впечатление. Разумеется, не перспектива стать телохранителем какого-то там типа волновала меня. Беспокоили мысли о Деде. Все это время я думала лишь о том, как я справлюсь без него. Лялин прав, очень многое нас связывало и связывает, а сейчас впервые подума-

лось: как он без меня? Каково ему? Должно быть, скверно. И дурацкие слухи обо мне счастья ему отнюдь не прибавляют.

Проще всего набрать номер и сказать: «Привет, как твои дела? У меня все отлично», но этого как раз делать не следует. Хорошо зная Деда, нетрудно представить, чем это закончится. Нет уж, не для того я уходила, чтобы через несколько месяцев прибежать обратно.

Я прошла по квартире, забыв про чай. Квартира у меня огромная, в трех уровнях, в ней вполне можно потеряться. Или звонить самой себе по телефону. Квартира, кстати, подарок Деда. Когда я ушла, довольно громко хлопнув дверью, то понятия не имела, что буду делать дальше. Мне даже казалось, что прогнозы недоброжелателей вполне способны сбыться и я, чего доброго, начну спиваться в одиночестве. Уже из-за одного этого стоило завязать с выпивкой. Впрочем, я ею никогда особенно не увлекалась, так что диву давалась, с чего обо мне пошла дурная слава?

Как бы там ни было, а оказавшись на вольных хлебах, я первым делом задумалась: чем же занять себя? И думала дня три, после чего выяснилось, что я являюсь прирожденной лентяйкой, то есть мне ничем не хочется заниматься. Так как телевизор я не смотрю, а книг принципиально не читаю, то в основном я проводила время в длительных прогулках с такой по имени Сашка, чему он был очень рад.

Потом меня потянуло посмотреть на мир, и я отправилась путешествовать, пристроив Сашку на время к подруге Рит-

ке, которая по совместительству являлась секретарем Деда. Тот, в свою очередь, был в нашем городе полновластным хозяином. Впрочем, справедливости ради стоит добавить: не только в городе и области, но даже и в столице его, по слухам, уважали и поддерживали. Слухи слухами, но одно несомненно: здесь он царь и бог, причем еще пару лет может не переживать за свое могущество, а там как карта ляжет, точнее, бюллетени избирателей, не к ночи будут помянуты.

Я желала Деду победить всех врагов и царствовать до конца своих дней, причем совершенно искренне, потому что почтенным пенсионером его просто не представляла. В столицу он не поедет, ибо убежден: лучше быть генералом в губернии, чем майором в столице, а остаться здесь не при делах гордость не позволит. Так что пусть правит нами на здоровье, тем более что он ничем не хуже других, хоть и не лучше. В деньгах благодаря Деду я не нуждалась, поэтому могла не только бездельничать, но и путешествовать в свое удовольствие, нимало не печалась. Но, несмотря на это, вскоре меня потянуло домой, в основном из-за Сашки.

Стоило мне вернуться, как в тот же вечер у меня появилась Ритка и с порога заявила:

- Совсем совести нет у людей.
- Ты о людях вообще или обо мне? – насторожилась я.
- О козлах, которые болтают, что ты в тиши и мраке запустенья предаешься пороку.
- Так, может, не врут? – предположила я из вредности.

– Ага. С таким цветом лица барышни из запоя не выходят. Может, и мне куда-нибудь съездить? Вдруг похорошею?

– Ты и так выглядишь неплохо, – порадовала я ее.

– Неплохо, – скривилась Ритка. – Я хочу выглядеть, как ты. Вошла, взглянула и убила.

– Такое больше Медузе Горгоне подходит, – ответила я, после чего мы отвлеклись от моей внешности, и я подробнейшим образом поведала о своих путешествиях. По негласному уговору мы с Риткой не заговаривали о Деде. Она очень переживала из-за нашего разрыва и, подозреваю, втайне считала виноватой меня. Чем я собираюсь заняться, она тоже не спросила, но ушла довольная, должно быть, радуясь, что теперь даст клеветникам достойный отпор. А я радовалась за нее и за себя тоже, если честно, потому что и впрямь выглядела распрекрасно, мужчины на улицах оборачивались, чего последние два года я припомнить не могла. Выходит, действительно похорошела, а это любой женщине приятно. К этому прибавилось душевное спокойствие, которое тоже долгое время отсутствовало, так что получалось, работа у Деда влияла на меня дурно, и теперь, когда я ее оставила, меня ожидает долгая счастливая жизнь.

Я замерла перед зеркалом, подмигнула своему отражению и даже пробормотала «красавица», после чего продолжила прогулку по квартире. Сашка, лежавший до того момента в кресле в гостиной (он, в отличие от меня, обожает смотреть телевизор), начал беспокоиться, приподнялся и даже робко

тявкнул.

– Я думаю, – сочла нужным сообщить я ему. Пес успокоился.

Допустим, в моем внутреннем мире царит полная гармония, но нельзя же все время бездельничать. Не худо бы в самом деле чем-то себя занять. В этом свете предложение Лялина... Я представила себя в роли телохранителя. Выходило что-то, подозрительно смахивающее на дрянной сериал, которые я так не люблю. Я поморщилась и решила выбросить недавний разговор из головы, что вскорости и сделала. Отправилась гулять с Сашкой, домой мы вернулись в час ночи. Измученный пес, с трудом взобравшись на кровать, заснул как убитый, а я последовала его примеру.

Утром мы спали до девяти, потому что никаких дел не намечалось и можно было себя побаловать. В половине десятого выбрались в кухню, чтобы позавтракать, а в десять раздался телефонный звонок. Я ответила без особой охоты, и мужской голос вежливо извинился:

– Простите, я позвонил не очень рано?

– Нормально вы позвонили, – ответила я. – Только не уверена, что нужна вам именно я. – Уверенности мне придавал тот факт, что голос был совершенно незнакомым, а знакомиться с кем-либо я не собиралась.

– Вряд ли я ошибся, – вновь заговорил мужчина, теперь в его голосе чувствовалась некая игривость, что мне понра-

вилось еще меньше. – Вы Рязанцева Ольга Сергеевна?

– Допустим. А вы кто?

– Ваш номер телефона дал мне Олег Борисович Лялин, – сообщил мужчина, а я скривилась, уже сообразив, в чем дело. Так и оказалось. – Мое имя Петр Викентьевич Сафронов. Уверен, вы обо мне слышали.

– Лялин вчера был у меня, – не стала я лукавить.

– И сделал предложение?

– Совсем не то, которое я жду долгие годы.

Сафронов засмеялся, давая понять, что оценил шутку.

– И что? – спросил он, немного помедлив.

– Идея показалась мне совершенно дикой, – ответила я искренне. Ему мой ответ не понравился.

– Почему же дикой? – обиделся он.

– Как-то не вижу я себя в роли телохранителя. Вам больше подойдет какой-нибудь здоровяк из охранный агентства, у них есть опыт в таких делах.

– Олег Борисович рассказал вам о моих проблемах?

– В общих чертах, – уклончиво ответила я. Если верить Лялину, проблем вовсе не было, но обижать человека мне не хотелось.

– Здоровяк здесь не поможет, – со вздохом заговорил Сафронов. – Тут скорее работа для человека, умеющего думать, профессионала...

Надо полагать, таким профессионалом он считал меня. Большое ему за это спасибо, однако его лесть не произвела

должного впечатления. На меня вообще мало что производит впечатление.

– Если вы по поводу нападения на вашего экспедитора, то милиция наверняка делает все возможное. Поверьте, лучше, чем они, с этим вряд ли кто справится.

– Если бы дело было только в этом нападении... Ольга Сергеевна, может быть, мы встретимся и поговорим, так сказать, в дружеской обстановке?

– Хорошо, – совершенно неожиданно согласилась я, а через пять минут уже жалела об этом. Хотела перезвонить Сафронову и отказаться от встречи, но лишь махнула рукой. Схожу, выслушаю человека, времени у меня сколько угодно. Встретиться договорились в 18.20 в кафе «Белый парус», в двух кварталах от моего дома. Я прихватила с собой Сашку, псу полезно прогуляться, а Сафронову надо дать понять, что я для него самый что ни на есть неподходящий человек.

Опоздав на десять минут, я вошла в кафе в своем лучшем костюме бирюзового цвета, на шпильках не ниже десяти сантиметров и с таксой под мышкой. Граждане, в количестве двенадцати душ, сидящие за столами, дружно повернули головы, а я широко улыбнулась. Как выглядит Сафронов, я и понятия не имела и уже собралась поинтересоваться, имеется ли такой в наличии, как из-за ближайшего стола поднялся толстяк лет тридцати пяти и бросился ко мне с восторгом на лице и с громким воплем:

– Ольга Сергеевна!

Стало ясно: это и есть Петр Викентьевич. Он протянул руку, я в ответ подала свою. Он на мгновение замешкался, а потом поцеловал ее. Сашка робко таякнул, потому что был воспитанной собакой и шуметь в общественных местах не любил, однако и терпеть посторонних в опасной близости тоже не мог.

– Какой хороший песик, – умилился Петр Викентьевич. – Как его зовут?

– Сашка.

– Сашка? Забавное имя для собаки.

Данное замечание я проигнорировала, и мы прошли к столу. Сашку я пристроила на соседнем стуле, он успокоился и теперь с любопытством оглядывался.

– У меня в детстве тоже была собака, – сообщил Петр Викентьевич. – Русский спаниель. А теперь со всеми этими делами и собаку завести некогда. С женой развелся... в общем, собаке пришлось бы ждать меня в пустой квартире. Что-нибудь закажете? – спохватился он.

– Нет, спасибо, я на диете.

– Зачем вам диета? Вы прекрасно выглядите. Честно говоря, не ожидал. Все эти слухи... – Он смутился, а я сделала вид, что не расслышала последней фразы.

– Вы хотели рассказать о своих проблемах, – напомнила я.

– Да-да, конечно. – Он откашлялся и начал рассказывать.

Я внимательно слушала, думая о том, что Лялин прав. Парню нужен не телохранитель, а хороший психотерапевт.

Налицо мания преследования. Кто-то вроде бы за ним следит, дважды за неделю он встретил желтый «Мерседес», несколько раз звонили и сказали, что ошиблись номером, как-то ночью позвонили в дверь. А еще он видел в окне спальни тень. И это при том, что живет на пятом этаже. Приди он с этими рассказами в милицию, его скорее всего засмеют. И правильно сделают. У них что ни день, то убийство, а здесь – «показалось», «послышалось».

– Никаких угроз, анонимных писем? – спросила я, потому что уйти сразу сочла невежливым.

– Нет. Но я чувствую...

– Может быть, вы слишком переживаете из-за нападения на вашего экспедитора? В этом случае имеет смысл обратиться к врачу.

– Все точно сговорились, – сказал он с обидой. – Разговаривают со мной, как с психом или трусом, готовым наложить от страха в штаны. Я понимаю, что на вас мой рассказ впечатления не произвел, но я же чувствую... я чувствую... Вы мне верите? – вдруг спросил он, и я, вздохнув, ответила:

– Верю. – «Чем черт не шутит, вдруг в самом деле...» – В любом случае, как я уже сказала, я не тот человек, который вам нужен. Вам необходим телохранитель, а я никогда...

– Вы не раз выполняли особые поручения, у вас есть опыт, вы решительный человек. А главное – вы женщина. – Мои брови поползли вверх, а он поспешил пояснить: – Ваше появление не вызовет подозрений, скажем, что вы мой пресс-

секретарь.

– А вам необходим пресс-секретарь?

– Как раз сейчас мы продвигаем на рынок новый товар, рекламное агентство готовит для нас широкомасштабную кампанию. Словом, все будет выглядеть вполне естественно.

– Допустим. Однако я по-прежнему не пойму, чего вы ждете от меня?

– Чтобы вы были рядом. Огляделись. Беспристрастно оценили ситуацию и ответили: я сам себя пугаю или мне грозит опасность?

– И если я скажу «вы сами себя пугаете»...

– Клянусь, я вас поблагодарю и наконец-то буду спать спокойно.

Похоже, говорил он искренне.

– Я знаю, деньги для вас не главное, – торопливо продолжил он, – но я готов заплатить любую сумму...

– От денег отказываются только дураки, – философски изрек я, – но пока говорить о них рано. Итак, если я вас правильно поняла, вы хотите, чтобы я, находясь некоторое время с вами, оценила ситуацию и сообщила вам свое мнение: является она опасной для вас или нет?

– Именно так.

– Хорошо, – кивнула я, откидываясь на спинку стула. Это я готова сделать для старины Лялина. – Причем совершенно бесплатно. – Последнее я сказала вслух. – А потом... потом по обстоятельствам.

– Отлично, – обрадовался Сафронов.

И на следующий день я заступила «на пост».

Первые три дня все шло до такой степени спокойно, что даже навевало тоску. Большую часть времени мы проводили в офисе, на обед выбирались в соседнее кафе, затем – деловые встречи, а вечером я провожала Сафронова домой.

В течение этих трех дней я не смогла уловить ничего подозрительного, хотя тщательно приглядывалась и даже приноживалась. Ни странных звонков, ни сомнительных личностей в поле зрения, ни ощущения скрытой угрозы в воздухе. Тишь, гладь и божья благодать. Лялин прав, впрочем, он всегда прав.

Сафронов время от времени поглядывал на меня с виноватым видом, а я оптимистично улыбалась. Именно этот его виноватый взгляд не позволял мне послать его к черту. Я решила дать ему еще неделю.

В пятницу вечером он, нерешительно кашлянув, сообщил, что в выходной собирается устроить небольшой прием на своей яхте. Услышав слово «яхта», я с трудом смогла скрыть удивление, образ Сафронова не вязался с любителем подобных развлечений. Приходилось признать, что интуиция в очередной раз подвела меня.

Он опять откашлялся и продолжил:

– Я купил яхту в прошлом году. Практически даром. Друг не чаял избавиться от нее, а во мне разыгралась романтика,

морские походы и все такое...

– До моря от нас далековато, – заметила я.

– Вот именно. Если честно, от нее одна головная боль. Яхта крошечная, но ее и на зимнюю стоянку надо определить, и покраска, и прочее... Управлять ею я тоже не умею. Короче, сваял дурака. Прошлым летом дважды прошел по реке до Рыбацкого, а в этом году так и не собрался. Вот я и подумал...

– Что ж, идея хорошая.

– Правда? – невероятно обрадовался он. Все-таки Сафронов довольно занятный парень. – Хочу пригласить нескольких друзей. Ну и вас, конечно. Вы ведь не откажетесь?

– Не откажусь, раз уж я на вас работаю.

– Вы все-таки считаете, что я все выдумываю? – пряча глаза, спросил он.

– Я пока ничего не считаю. За три дня невозможно составить представление о состоянии дел. Если позволите, мы поговорим об этом через неделю.

– Отлично, – заулыбался Сафронов.

На следующее утро я подъехала к пристани около десяти, отпустила такси и начала оглядываться. Пристань выглядела пустынной. На всякий случай я взглянула на часы. Нет, не опоздала, хотя всерьез опасалась этого, потому что в последний момент пришлось пристраивать Сашку. Поначалу я хотела взять его с собой, но вовремя одумалась: неизвестно,

как пес воспримет прогулку на яхте, а видеть его страдания я просто не в состоянии. Как всегда, выручила Ритка. Разумеется, она проявила интерес к тому, как я собираюсь провести выходные, а узнав, что я нашла себе работу, так обрадовалась, что умилила меня до слез. Сашка на радостях был обласкан и принят чуть ли не с благодарностью.

Дойдя до конца пристани и не обнаружив вблизи ничего похожего на яхту, я совсем было решила, что Сафронов передумал и отменил мероприятие. Я достала мобильный из сумки с намерением позвонить, но тут услышала его голос:

– Ольга Сергеевна!

Я обернулась и увидела, как он бежит по пристани в мою сторону, изрядно запыхавшийся, покрасневший, в светлых брюках и пестрой рубашке навыпуск. Сейчас он еще больше походил на колобка.

– А мы вас ждем возле шлагбаума, – с виноватой улыбкой сказал он. – Я думал, вы на машине.

– Я не знала, что здесь есть стоянка, вот и приехала на такси.

Он пожал мне руку и заулыбался:

– Пойдемте, все уже собрались, здесь небольшой ресторанчик, очень милый. Яхта подойдет через несколько минут, я только что звонил.

Ресторан в самом деле выглядел на редкость привлекательно для заведений подобного рода. На открытой веранде горшки с цветами и настоящая пальма. Клетчатые скатерти,

ковровая дорожка и мозаичное панно во всю стену, то ли змея с крылышками, то ли дракон-дистрофик. Скорее всего последнее, потому что надпись на фасаде гласила – «Речной дракон».

За большим столом сидела компания, несколько мужчин и женщин. Мы подошли, все дружно оглянулись в нашу сторону и заулыбались, а Петр Викентьевич торопливо заговорил:

– Знакомьтесь, пожалуйста. Это Ольга Сергеевна Рязанцева.

Дамы встретили меня с настороженным любопытством, мужчины с интересом, чему немало способствовала моя популярность в родном городе. На службе у Деда мое имя часто мелькало в местных новостях, пару раз губернские газеты разразились в мой адрес гневными обличениями с фотографией на развороте, что меня, признаться, не особо радовало, но кто ж моего-то мнения спросит?

Я растянула губы в улыбке, демонстрируя большую радость, а Петр Викентьевич, немного волнуясь по неясной причине, продолжил представление.

– Горина Анна Ивановна, – указал он на брюнетку с внешностью роковой женщины. Должно быть, очень высокая (сейчас, когда она сидит, точнее не скажешь), худая, с большим, явно силиконовым, бюстом, огнем в очах и с пухлыми губами, тоже силиконовыми. Она высокомерно кивнула, быстро окинула меня взглядом с ног до головы и едва

заметно нахмурилась. Я порадовалась, что не понравилась ей, значит, выгляжу неплохо. — Это Верочка, Вера Ильинична, — перешел Петр Викентьевич к большеротой блондинке, та приветливо помахала мне рукой. — Мы с ней старые друзья, — счел необходимым пояснить Сафронов. — Лапшин Геннадий Яковлевич, вы о нем наверняка слышали, его супруга Валерия Николаевна. Райзман Артур Борисович, а это Никифоров Павел Сергеевич. Ну вот, теперь можно выпить кофе.

Сафронов подозвал официанта и с заметным облегчением устроился на стуле, предварительно усадив меня. Я с удовольствием выпила кофе, приглядываясь к собравшимся и стараясь делать это незаметно. Не похоже, чтобы здесь встретились старые друзья. Мужчины слишком заинтересованно поглядывают на дам, дамы слишком напряжены, не расслабляются, держат спину прямой, улыбки как приклеенные, а взгляды, обращенные друг к другу, ядовитые.

Анна Горина, роковая красотка, интереса у меня не вызвала, с ней более-менее ясно. Наверняка ищет богатого мужа, смотрит высокомерно, нацелилась на Райзмана, села рядом и колено сдвигает в его сторону, уже пару раз успела задеть его ногу, оголила плечико. Приемы грубоватые, но действенные.

Верочка была мне симпатична. Похоже, действительно старый друг Сафронова, улыбчивая и в общем-то равнодушная. Кажется, у них роман с Никифоровым, но скорее всего

он уже близок к концу. Она смотрит на него слишком дружески, а в глубине зрачков таится насмешка. Когда любимый не вызывает восторга и гордости, это верный признак, что все движется к завершению.

К Никифорову я приглядывалась особо: он был крупным предпринимателем, по слухам, чуть ли не миллионщиком, однако у меня эти слухи, вызывали сомнения. Занимался он, насколько я помню, всем понемногу: имел бензозаправки и сеть магазинов «Сладкоежка». Напускали на некие грехи его молодости и связи с уголовным миром: якобы на их сбережения развернулся и сейчас трудится бок о бок с братками, отмывая их денежки. Но это лишь ничем не подтвержденные слухи, вполне возможно, распускаемые врагами (а у такого парня врагов должно быть пруд пруди). По крайней мере внешне Павел Сергеевич выглядел в высшей степени прилично и даже интеллигентно. Блондин с приятным лицом и мужественным подбородком. Пожалуй, его можно было бы назвать красивым, если бы не ранняя лысина, которую он безуспешно пытался замаскировать. Рука его порой непроизвольно тянулась к ней, проверяя, как лежат волосы. Стало ясно, это «больная мозоль».

Райзман, напротив, был так волосат, что выглядел почти комично, напоминая одетую обезьяну. Рубашка с короткими рукавами позволяла полюбоваться конечностями, сплошь покрытыми густой шерстью. Руки у него были сильными, с хорошо развитой мускулатурой, а грудь широкой,

навевающей греховные мысли, в том смысле, что от мужчин с такой мускулатурой ждешь чего-то особенного. А вот ладони у него выглядели по-женски ухоженными, неестественно белыми для начала лета, с безупречным маникюром, и это сбивало с толку. Я немного покопалась в своей памяти, но ничего связанного с фамилией Райзман не обнаружила, хотя мне она показалась смутно знакомой.

Лапшина можно было характеризовать двумя словами: «интересный мужчина». Лет сорока, высокий, спортивный, немногословный и вежливый. За всем этим чувствовалась уверенность в себе и достоинство, переходящее в легкое презрение к тем, у кого этих похвальных качеств нет. На жену, которая сидела рядом, он именно так и поглядывал: снисходительно, с тщательно скрываемой насмешкой, хотя она такого отношения, с моей точки зрения, не заслуживала. Женщина была красива, безусловно умна, взгляды мужа чувствовала и отлично все понимала. Похоже, она его любила, а свою печаль тщательно прятала, скорее всего из гордости, не желая признаться, что чувства мужа к ней претерпели изменения не в лучшую сторону. Впрочем, внешне все выглядело вполне прилично. Геннадий Яковлевич уделял внимание жене, сопровождая свои действия заботливым «дорогая», и в этом было что-то покаянное, точно он знал за собой вину и пытался ее загладить, и вместе с тем не в силах был избавиться от легкой насмешки в глазах, точно мстил ей за что-то и сам этого стыдился.

Компания подобралась занятная. Четверо мужчин и четыре женщины, включая меня. Тут я сообразила, что не просто так тарашу глаза, а с неким умыслом: прикидываю, кто из присутствующих мог иметь к Сафронову претензии или недобрые чувства. Выходит, его тревога все-таки нашла отклик в моей душе. Я мысленно усмехнулась и покачала головой.

Разговор за столом шел вяло, все то и дело поглядывали на меня. Возможно, я их стесняла, потому что была в их компании новым человеком, а возможно, все дело в моей репутации. Райзман попытался разрядить обстановку и принялся рассказывать анекдоты. Делал он это мастерски, граждане хохотали и вскоре оттаяли душой, я хохотала громче всех, чем, безусловно, вызвала у Райзмана симпатию. Благодарный слушатель – бальзам на душу рассказчика. Настороженность покинула его, и теперь он смотрел на меня с откровенным интересом, все больше и больше увлекаясь лицезрением моих достоинств. От внимания Анны Гориной это не ускользнуло, она поджала губы и теперь бросала на меня откровенно враждебные взгляды, вызвав беспокойство у Верочки, из чего я заключила, что они подруги или приятельницы.

Сафронов по большей части помалкивал и проявлял излишнюю суету, угощая гостей. Взгляд его то и дело обращался к пристани, мы ждали уже полчаса, а яхта все не появлялась. Он не выдержал и позвонил, выслушал кого-то и удо-

влетворенно кивнул:

– Сейчас будут.

И действительно, буквально через пару минут мы увидели яхту, на приличной скорости она приближалась к пристани.

Сафронов подозвал официанта с намерением расплатиться, остальные недружно поднялись из-за стола. Райзман оказался рядом со мной.

– Позвольте, я возьму вашу сумку, – предложил он с улыбкой.

Я позволила. Сафронов подскочил с тем же предложением, но, сообразив, что опоздал, неожиданно расстроился. Мне это не понравилось, может, я зря согласилась на эту работу? В близком друге я не нуждаюсь, да и Сафронов не годится на эту роль, впрочем, я знать не знала, кто бы сгодился, но Райзман все-таки был предпочтительнее.

– У вас немного вещей, – заметил он, кивнув на мою сумку.

– Путешествую налегке, – улыбнулась я.

– Как это не похоже на красивую женщину.

– Ага, – хмыкнула я. – Я вообще такая... непохожая.

Анна наблюдала за нами едва ли не с яростью. Должно быть, она имела на Райзмана серьезные виды и восприняла меня как соперницу. Ее вещи нес Сафронов. Она подхватила его под руку, чем удовольствия ему не доставила: его руки были заняты сумками внушительных размеров и нести их, когда на правом локте виснет дама, затруднительно. На-

до отдать ему должное, он с этим справился с честью и даже улыбался, только, встретившись со мной взглядом, страдальчески сморщился.

Когда мы вышли на пристань, яхта уже пришвартовалась, нам перекинули трап, возле которого стояли два дочерна загорелых молодых человека в шортах и пестрых косынках на головах. Им было лет по двадцать пять, и они смело могли претендовать на звание «мачо сезона». На дам они смотрели равнодушно, и те не замедлили ответить тем же, взирали на них как на прислугу.

На мне оба задержали взгляд, наверное, узнали. В восторг от этого я не пришла. «Вот она – цена популярности», – подумала я с печалью.

Мы столпились на палубе, и Сафронов обратился к нам: – Предлагаю заглянуть в каюты, устроиться. А минут через двадцать соберемся на палубе.

Один из мачо суетился возле трапа, второй пошел провожать нас. Мы с Райзманом шли последними, оттого мне досталась ближайшая к выходу на палубу каюта. Хозяин расположился рядом, а Райзман напротив, далее Горина, затем Лапшины и напротив них Верочка. Никифоров прошел в следующую каюту. Кают я насчитала восемь. Выходило, что одна осталась свободной, хотя ее могли делить мачо. Проследив, кто какую каюту занял (должно быть, к миссии телохранителя я отнеслась гораздо серьезнее, чем мне самой казалось), я захлопнула дверь и огляделась. Особенно рассмат-

ривать здесь было нечего – квадратное окно с голубенькой шторкой, каюта крохотная, как раз в ширину окна. Справа полка, вроде тех, что в купе поезда, над ней еще одна, сейчас поднятая, слева откидной столик с вазочкой и одинокой розой. Шкаф с бельем и одеялом, слева вроде бы тоже шкаф, но, заглянув, я убедилась, что это туалет, тут же шторка, которая превращала крохотное пространство в душевую кабину. На всякий случай я проверила: горячая вода есть, полотенце, гель для душа, все как положено. Кондиционер размещался над окном и в настоящее время работал, чему я порадовалась, день обещал быть жарким, и в этой собачьей будке я сойду с ума, никакое открытое окно не спасет.

Забросив сумку в шкаф, я плюхнулась на полку, думая о том, какие странные у людей фантазии. Вместо восьми клетушек, где невозможно развернуться даже в одиночестве, не только вдвоем, могли бы сделать четыре вполне сносные каюты. Видимо, у прежнего хозяина было полно друзей, а со средствами туговато. По крайней мере на океанскую красавицу денег не хватало, вот и родилось такое чудо со всеми удобствами.

Тут за перегородкой включили воду, и я от неожиданности подпрыгнула. Слышимость была потрясающая. Впрочем, в данном случае это неплохо, раз на меня возложена миссия по охране Петра Викентьевича. Если его кто-то задумает придушить, я непременно услышу. Опять же, совершенно не обязательно проводить время в каюте, особенно

когда прекрасная погода. На палубе гораздо приятнее.

Решив, что это дельная мысль, я поднялась. Едва я открыла дверь, как соседняя тоже распахнулась, и улыбающийся Петр Викентьевич спросил:

– Устроились?

– Да.

– Может, посмотрим кают-компанию?

– С удовольствием, – ответила я, хотя и собиралась выйти на палубу.

Кают-компания радовала глаз столом в центре, плюшевыми диванами, красными шторами и телевизором на подставке. Больше при всем желании сюда ничего не впишешь. Десять человек способны здесь разместиться почти с удобствами, но шестнадцать (а именно столько лежачих мест, если моя каюта точная копия всех остальных), так вот, шестнадцать напоминали бы селедок в бочке.

– Очень мило, – заметила я, сообразив, что хозяин чего-то ждет.

Он вновь улыбнулся и остался доволен. Из любопытства я распахнула дверь напротив и обнаружила там крохотную кухню, в которой в настоящий момент тучная женщина лет пятидесяти что-то готовила.

– Здравствуйте, – улыбнулась она мне вполне искренне, хотя я в таких условиях была бы способна разве что чертыхаться. – Обед будет через час, – заявила она Сафронову, когда он заглянул вслед за мной.

– Очень хорошо, Тамара Ивановна. Вы знаете, Ольга Сергеевна, это подруга моей мамы, – счел нужным сообщить он. – Они вместе в детском саду работали. Тамара Ивановна поваром, а мама у меня медсестра. До сих пор дружат. И когда мне необходим повар, Тамара Ивановна не отказывает, хотя два года на инвалидности. Чудесная женщина, а какой борщ готовит... – Он мечтательно закатил глаза.

– Тесновато здесь, – кивнула я в сторону кухни, имея в виду габариты дамы.

– В общем-то она все подготовила дома, а здесь только... Он не успел договорить, в кают-компании появилась Вера, за ней Никифоров. Павел Сергеевич переоделся в шорты, она в купальник, поверх которого повязала парео ядовито-зеленого цвета, впрочем, ей этот цвет, как ни странно, был к лицу.

– А вы не переоделись? – обратилась она ко мне. – Ничего, что я так запросто? Я, знаете ли, плохо воспитана...

– Я тоже, – осчастливила я.

– Да? Ну и слава богу, давайте без политесов. Меня можно называть Верой, я вас буду звать Олей, потому что терпеть не могу отчество, я их вечно забываю. Петечка потом долго извиняется перед гостями, у него, знаете ли, бывают гости не простые, а прямо-таки золотые, я весь вид порчу, а он терпит и опять зовет, хотя давно бы надо гнать. Да, Петечка?

– Что ты глупости болтаешь, – отмахнулся он.

– Петечка добрый.

– А я? – проявил интерес Павел Сергеевич, но скорее для того, чтобы обратить на себя внимание.

– А ты злой и страшный серый волк.

Она зарычала, а потом чмокнула его в щеку, но уж очень равнодушно, точно болонку.

– Меня тоже можно звать просто Павлом, – сказал он мне и подмигнул.

Друг за другом мы выбрались на палубу, где уже стояли Лапшины и Райзман.

– А где Анна? – спросила Вера, обращаясь к Артуру Борисовичу. Тот с удивлением ответил:

– Не знаю.

– Я думала, вы присмотрите за моей подружкой, – кокетливо сказала Вера. Он пожал плечами:

– Я могу сходить за ней.

Идти не пришлось, Анна появилась на палубе через мгновение, наверняка разговор она слышала и сказала с неудовольствием:

– Прекрати меня сватать.

– Да брось ты, – отмахнулась Вера.

– Прекрати, – повторила Анна, перейдя на зловещий шепот. Вера засмеялась и повернулась к ней спиной.

В этот момент яхта начала отходить от берега.

– Петечка, а парус поднимут? – спросила Вера.

– Честно говоря, не знаю, это от ветра зависит. Если тебе захочется, обязательно поднимем, хоть на минутку.

– Ох, как я люблю тебя, Петечка.

Войдя в роль сыщика, я прикидывала: дама слегка нервничает по неизвестной причине или такое поведение для нее естественно? Судя по Петечкиной реакции, второе.

Райзман, облокотясь на перила, наблюдал за тем, как яхта удаляется от берега. Анна подошла к нему.

– Дайте закурить. – Он торопливо достал сигареты, щелкнул зажигалкой. – У нас есть какой-нибудь план? – возвысила голос роковая женщина. – Или просто будем болтаться на этой консервной банке туда-сюда?

За консервную банку Сафронов обиделся, но обиду постарался скрыть.

– Вот что я предлагаю, – сказал он и даже хлопнул в ладоши, призывая всех ко вниманию. – Дойдем до Марьиной Губы, искупаемся, позагораем, а вечером пойдем на Бутино, к утру должны быть там. Сделаем остановку, поплаваем, а потом поднимемся к Ковалеву и дальше к городу. Ну, как?

Все согласно закивали, идея была действительно хорошая. Река здесь делала петлю, так что мы, описав круг, подойдем к городу с другой стороны, практически ничего не потеряв во времени, а места там действительно красивые. Марьиная Губа – островок километрах в тридцати от города, с потрясающими песчаными пляжами. Во времена моего детства по выходным дням туда ходил речной трамвай. Потом трамвай по неизвестной причине исчез, и Марьиная Губа перестала быть местом паломничества городских любителей

позагорать. Добраться туда могли лишь обладатели лодок, в основном граждане, живущие на длинной улице вдоль реки, которая, соответственно, и называлась Лодочная. Там до сих пор в каждом доме своя лодка. Улицу периодически затопляло в половодье, и еще лет десять назад ее решено было снести, а людей переселить, но жители покидать малую родину не спешили, потому что все здесь издавна занимались браконьерством и квартиры в новостройках пределом мечтаний для них не являлись. Из-за того, что жили здесь от паводка до паводка, дома выглядели так, точно перенесли две войны, подлатают кое-как, и слава богу, красить их никому и в голову не приходило, все как на подбор черные. Сейчас они медленно проплывали по левому борту. Впрочем, летом они утопали в сирени и акации и особо убогими не выглядели, в них даже было что-то живописное.

В общем, Марьиная Губа стала малопосещаемым местом, и там в основном стояли лагерем байдарочники. Сама я не была на острове лет десять и теперь проявляла неподдельный интерес.

– На Марьиной Губе я чуть не утонул, – сообщил Лапшин. Он, кстати, тоже предложил обходиться без отчества, так что я называла его просто Геной. – Мне лет семь было.

Далее последовал рассказ об этом знаменательном событии. Тут же выяснилось, что практически у всех присутствующих что-то связано с этим островком. Только Анна презрительно ухмылялась, косясь из-под очков на Райзмана. Как

видно, бедняжке нечего было вспомнить.

Вскоре подали обед. За столом воспоминания продолжились, что способствовало сплочению коллектива. Так как к обеду подали вина, все очень быстро перешли на «ты». Одна Горина пребывала в напряжении с упорной нелюбовью ко мне, сироте. Видно, я спутала ей все карты. Райзман уделял мне повышенное внимание и даже не желал скрывать это. Я не особенно его поощряла, но и не возражала, скорее из вредности.

Когда поднялись из-за стола, впереди замаячил остров. Мы переместились на палубу. Старенькая пристань произвела неплохое впечатление: кто-то все же проявлял о ней заботу все это время, прогнившие доски в некоторых местах заменили новыми.

Пришвартовывались довольно долго, то ли мачо не были особенно опытными, то ли пристань не казалась им надежной. Когда сошли на берег, солнце уже жарило вовсю. Заросли ивы начинались от пристани, но мы сразу увидели тропинку, изрядно утопанную. Мы пошли по ней и через пять минут оказались на пляже. И здесь заросли ивняка отвоевали себе новые пространства. Однако пляж порадовал. Широкая, девственно чистая песчаная полоса. Мы почувствовали себя Робинзонами.

– Красота-то какая, – мечтательно вздохнул Петечка, и я согласилась с ним.

Отдыхать решили с размахом. Появились мачо, установи-

ли большой зонт от солнца, такие обычно используют в уличных кафе, шезлонги, стол с сумкой-холодильником, его прикнули в тени, ближе к зарослям, появилось пиво и все, что к нему прилагается. Я устроилась под грибком, развалясь в шезлонге. Джинсы я сбросила еще на яхте, оставшись в рубашке.

– Не собираешься загорать? – спросил Райзман.

– Вряд ли. Предпочитаю подремать в тени. Но искупаюсь обязательно.

– Отличный загар. Где отдыхала?

– В Греции.

– Давно собираюсь.

– И что мешает? – спросила я, чтобы поддержать разговор.

Он пожал плечами.

– Работа.

– Чем ты занимаешься, если не секрет?

– Какой там секрет. Я врач. У меня частная клиника на улице Пугачева. Наверняка слышала рекламу: «Эскулап».

– Конечно, – кивнула я. – Как идут дела? Процветает?

– Не жалуюсь.

– У него талант, – сообщила Вера, устраиваясь рядом. – Дамы от него так и млеют.

– Дамы? – не поняла я.

– Конечно. Он у нас гинеколог.

– Ах, вот что, – покивала я.

– Точно, – засмеялся Артур. – Будут проблемы, милости

прошу, хотя от всей души желаю крепкого здоровья.

– Пошли купаться, – предложила Вера. Все поднялись. Я лениво прищурилась, шевелиться мне не хотелось.

– Чуть позже, – сказала я, едва сдерживая зевок.

Компания направилась к реке, а я немного подремала, слыша, как они плескались и вопили, словно дети. Я старательно прислушивалась к голосу Сафронова. «Живой», – пробормотала я с усмешкой.

Первым вернулся Райзман. Упал прямо на песок рядом со мной.

– Здорово. Зря не пошла.

– Еще успею.

Он нахлобучил Верочкину панаму и, приподняв голову, спросил:

– Значит, ты теперь работаешь у Петра? Занятно.

– В каком смысле?

– В смысле, масштабы не те. Говорят, ты у Кондратьева была кем-то вроде серого кардинала. Врут?

– Конечно. Дед... Кондратьев не из тех, кто потерпит возле себя потенциального соперника. Он тяготеет к абсолютизму.

– Так ты поэтому ушла?

Разговор начал меня раздражать, и я прикидывала, что бы ответить, дабы отбить у человека охоту приставать с глупостями.

– Ее выгнали, – услышала я над ухом.

Прелестный голосок принадлежал Гориной, она стояла рядом, обтираясь полотенцем, я умудрилась пропустить счастливый миг ее появления.

– Точно, – кивнула я, не желая спорить. Но этого роковой даме показалось мало, и она продолжила:

– Госпожа Рязанцева – хронический алкоголик. За это и слетела с теплого местечка.

Райзман растерялся, не зная, как реагировать на ее слова.

– Вы и сейчас пьете? Или пытаетесь лечиться? – язвила девица. Положительно у нее ко мне что-то есть, любопытно – что?

– Пью, – покаялась я. – Но выгнали меня даже не за это. Нрав у меня буйный. По пьяному делу могу и в зубы дать, – с младенческой улыбкой поведала я. – За столом вроде и выпила совсем ничего, а не поверите, как хочется скандалить.

Девица слегка опешила, прикидывая, серьезно я говорю или валяю дурака, но на всякий случай рисковать не стала, бросила полотенце и вернулась к компании.

– Не принимай близко к сердцу, – испытывая неловкость, сказал Райзман. – Она идиотка, возомнившая себя роковой женщиной, собиралась здесь всех затмить. И вдруг ты. Это серьезный удар.

– Я ценю твое желание полить бальзамом мои раны.

– Я серьезно. Ты очень красива, в тебе чувствуется характер, у тебя есть стиль, ты независима. Такие женщины всегда производят впечатление, хотя и слегка пугают нашего брата.

А эта дура насквозь фальшива. Больше месяца вытерпеть ее невозможно.

– Ты пробовал? – спросила я.

– Слава богу, нет.

– Но ты хорошо ее знаешь?

– Вера везде таскает ее с собой. Совершенно непонятно, зачем ей это надо, особой дружбы между ними я не замечал. Впрочем, Вера немного сумасшедшая и понять ее логику трудно, мне, по крайней мере.

– У Веры был роман с Сафроновым?

– Нет, то есть не думаю. Если только очень давно. Они дружат с детства, ее муж здорово помог Петру в свое время. Потом он погиб, автокатастрофа, и Петр считает своим долгом... в общем, они по-настоящему привязаны друг к другу.

– Да, это чувствуется. А с Петром ты давно знаком?

– Года два, наверное. Моя бывшая жена дружила с его бывшей. Познакомили. Петр мне понравился, похоже, и я ему. Вот так и получилось: с женами разбежались, а с ним продолжаем встречаться, не часто, но друг друга из вида не теряем. Он хороший человек.

– Я тоже так думаю, – кивнула я, потому что мне показалось, что Артура интересует мое мнение на этот счет.

– У него сейчас тяжелый период, – продолжил он. – Я рад, что ты будешь рядом с ним.

– Не пойму, о чем ты, – насторожилась я.

– У него навязчивая идея, что его убьют. И вдруг появля-

ешься ты.

– Я устроилась в его фирму...

– Брось, он мне все рассказал.

– Тогда какого черта ты меня спрашиваешь?

– Просто хотел как-то подойти к этой теме.

– Подошел, и что дальше?

– Ничего. Хочу сказать, что все это глупость, то есть не совсем глупость... Его последняя супруга – страшная стерва, уходя, заявила, что сведет его в могилу. Теперешний ее спутник парень малопрятный... Да еще это ограбление... Словом, у Петьки крыша поехала.

– А почему его супруга так воинственно настроена? Были причины?

– Не думаю. Петька квартиру ей оставил, тачку... Он всем своим бывшим непременно оставляет квартиру и машину – джентльменский набор. Поэтому сам периодически оказывается в двухкомнатной хрущевке, которая досталась ему от бабушки. Супруга нашла свое счастье и задумала уйти, но не могла не поскандальить по причине повышенной стервозности. Ну и сказала под горячую руку...

– Подожди. Ты говоришь, ее спутник – парень малопрятный. Что, если ограбление организовал он?

– Вряд ли. Хотя он из команды Сотника. Слышала о таком?

– Не слишком ли хорошо ты осведомлен?

Артур засмеялся.

– У каждого мужчины есть жена, сестра или подруга, и

большинство из них не прочь поболтать.

– Ясно, – вздохнула я, прикидывая, как отнестись к данному разговору, а еще разозлилась на Лялина. Утверждая, что у Петра мания преследования, о дружке его бывшей супруги он не пожелал упомянуть. Может, сам не знал? Вряд ли. Обычно он знает все. Скорее, не усмотрел в этом ничего интересного.

Продолжить разговор нам не пришлось, вся компания вернулась. Роковая женщина в мою сторону старалась не смотреть и устроилась между Верой и Никифоровым. Какое-то время все оживленно болтали, потом примолкли и задремали на солнышке. Сафронов лежал в шезлонге в трех шагах от меня и вскоре уже начал похрапывать, а я решила, что мне пора искупаться. Поднялась, сбросила рубашку и тут услышала:

– Ух, ты... – Артур поглядывал на меня из-под сдвинутой на глаза панамы.

– Впечатляет? – усмехнулась я, имея в виду свой греческий загар.

– Не то слово, – ответил он, торопливо поднимаясь, и мы направились к реке.

Вода была теплой и особого облегчения не принесла. Я пару раз нырнула, потом откинулась на спину, закрыла глаза и решила, что абсолютно счастлива. По крайней мере, минут десять вне всякого сомнения. Артур шумно плескался рядом, потом затих, тоже устроился на спине.

– Оля, – позвал он, я не отозвалась, а он продолжил насмешливо: – Что, если я за тобой приударю?

– Попробуй.

– Это, в смысле, без зубов останусь?

– Это, в смысле, попробуй, а там посмотрим.

– Ага. Похоже, у меня есть шанс.

– Похоже. Только помнишь, что сказала прекрасная Анна? Тебя ее слова не настораживают?

– Ерунда. Алкоголички так не выглядят. Я врач, меня не обманешь.

– Тогда дерзай.

– Прямо сейчас?

– Конечно.

– Знаешь, оказывается, ухаживать за женщиной, болтаясь в воде, довольно неудобно.

– Тогда подожди, когда выйдем на берег.

Артур засмеялся и на некоторое время оставил меня в покое. Не помню, сколько времени я пребывала в состоянии блаженства, но с берега начали кричать, и мы с Артуром вернулись к компании. Выпили пива, потом затеяли игру в волейбол, потом компания как-то незаметно распалась. Мы с Артуром решили немного прогуляться и пригласили с собой Петечку, после разговора с Райзманом я стала гораздо серьезнее относиться к своей миссии.

Мы брели друг за другом по песчаной тропинке, миновали заросли и вышли к поляне с остатками костра посередине,

взобрались на холм, заросший кустами шиповника, и внизу увидели чей-то лагерь. Отдыхающих было человек десять, не меньше, дети плескались в воде, чуть поодаль покачивались три моторки.

– Прекрасный отсюда вид, – вздохнул Артур.

– Надо было взять видеокамеру, – поддакнул Петр. Мы начали спускаться, но лагерь обошли, чтобы не беспокоить граждан.

Здесь тоже был шикарный пляж. Обойдя остров по кругу, мы вернулись к нашей стоянке и обнаружили Валерию Лапшину, она сидела под грибком в одиночестве и листала журнал.

– А где все? – крикнул ей Петр.

– Гена пошел на яхту за кремом, боюсь, я успела обгореть. Куда делись остальные, понятия не имею. Хотите чаю? Он в термосе. Горячий, с земляникой.

– Предпочитаю холодное пиво, – отозвался Артур.

– Напрасно, ничто так хорошо не утоляет жажду, как горячий чай.

Я решила проверить данное утверждение, и мы с Лерой выпили по чашке чая.

– Что-то Гена долго, – заметила она. – Дождется, что я обуглюсь.

«Пожалуй, ему действительно понадобилось слишком много времени, чтобы сходить за кремом», – машинально отметила я.

– Разомнись немного, – где-то минут через двадцать сказала Лера и неожиданно предложила: – Составишь мне компанию?

Я с готовностью поднялась, и мы пошли, я была уверена, что мы направимся в сторону пристани, но она выбрала другой маршрут. В последний момент к нам присоединился Петр.

– Пожалуй, я искупаюсь, – сказал он, когда мы оказались на соседнем пляже.

Я тоже полезла в воду, а Лера устроилась в тени. В какой-то момент я, повернувшись к берегу, на прежнем месте ее не обнаружила. Минут через десять, выбравшись на берег, я смогла убедиться, что Лера по-прежнему поджидает нас. Мне показалось, что она чувствовала себя не в своей тарелке. Петр носился по мелководью как мальчишка, а я устроилась рядом с ней.

– Подождем Петра или пойдем? – спросила я.

– Подождем.

– Тогда я ненадолго загляну... – Я не успела договорить, она взяла меня за руку.

– Там люди делом заняты. Я тоже хотела заглянуть и чуть все не испортила.

– Ах вот как, – пожала я плечами. – Что ж, потерплю.

Когда Петр утихомирился, мы вдоль берега вернулись к нашему лагерю. С противоположной стороны шел Лапшин.

– Тебя только за смертью посылать, – заметила супруга.

– Там на пристани пацаны рыбу ловят, приплыли на лодке из Черкасова. Ну, не удержался... – виновато пожал плечами ее муж, протягивая ей крем.

– Ты его на солнце держал? Теперь можно смело выбросить.

– Ладно тебе, ну, извини. – Он виновато кашлянул, она, пожалуй, слишком нервничала из-за тубика крема.

Тут из зарослей выплыла наша роковая женщина, потянувшись, демонстрируя свои прелести, с насмешкой глядя на Леру, а Лапшин неожиданно покраснел. Это показалось мне занятным. Испытывая некоторую неловкость, все заняли свои шезлонги, через двадцать минут появилась Вера, очень похожая на сытую кошку.

– Полный сбор, – засмеялась она, помахав нам рукой.

– Может, в волейбол? – предложил Артур.

– Я пас, – хихикнула Вера, – предпочитаю менее подвижные игры.

– А где Павел? – спросил ее Петр.

– Пошел немного отдохнуть на яхте. Думаю, скоро вернется.

Она оказалась права, через несколько минут Никифоров действительно присоединился к нам, заспанным он не выглядел.

В продолжение следующих нескольких часов все держались вместе, ничего заслуживающего внимания не происходило. Солнце потихоньку клонилось к западу, а мы начали

собираться. На яхте нас уже ждали. Тамара Ивановна отдыхала на палубе, оба мачо сидели тут же и резались в карты.

– Ну что, отчаливаем? – обратился к нам Петр. Мы недружно ответили:

– Да.

– Ужин готов, – сообщила Тамара Ивановна, поднимаясь. – Через десять минут подам.

– Давайте через полчаса, надо немного привести себя в порядок, – предложила Вера. Все согласились и разбрелись по каютам.

Вода шла еле-еле, должно быть, все по моему примеру отправились в душ. Я чертыхнулась и накинула полотенце. Яхту качнуло, а я, оставляя мокрые следы, прошла к постели, выглянула в окно – мы успели отойти от берега на приличное расстояние.

Стол накрыли на палубе, и это всех порадовало, после захода солнца здесь было прохладно и сидеть в кают-компании не хотелось. Лера куталась в платок и зябко ежилась.

– Кажется, перегрелась на солнце, – пояснила она.

– Я тебе говорил, надо быть осторожной. Тебе вообще вредно загорать, – сказал Лапшин.

– Мне все вредно, – отмахнулась Лера. Впрочем, особого напряжения между ними не чувствовалось, если что-то и было, то хватило нескольких минут наедине, чтобы все разрешить.

Ужин растянулся. Зажгли фонарики, один из мачо ра-

ботал за официанта, Тамара Ивановна на некоторое время присоединилась к нам, потом ушла. Наконец посуду убрали, стол унесли. На ящике, приспособленном под бар, стояли бутылки, каждый наливал что хотел. Общество разбилось на группки, мы с Петром и Райзманом, Верочка с Лерой, Лапшин с Никифоровым развлекали Анну. Она выпила лишнего, пару раз порывалась показать стриптиз, но отклика в сердцах мужчин не нашла. Лапшин перебрался к жене, и Павел по его примеру к Верочке. Анна почувствовала себя не у дел и принялась приставать ко мне. Говорить с пьяной бабой – пустая трата времени, а скандалить – трата нервов, поэтому в очередной раз, отправляясь за мартини, я легонько задвинула ей локтем, и она, с удобствами устроившись в шезлонге, ненадолго затихла, а когда обрела способность говорить, стала гораздо осмотрительнее. Правда, один раз злобно прошипела невпопад:

- Он все равно на мне женится, слышишь, ты...
- Очень рада за тебя, – кивнула я.
- Не смей мне тыкать! – заорала она.
- Уймись, – шикнула на нее Вера, – напилась, так веди себя прилично. Не обращай на нее внимания, – обратилась она ко мне.

– Пожалуй, я пойду спать, – кивнула я, решив не портить людям вечер, раз уж я действовала на Горину, как красная тряпка на быка.

– Если и надо кому-то отправиться спать, так отнюдь не

тебе, – влез Райзман, хотя я в его помощи совершенно не нуждалась.

– Девочки, девочки, давайте жить дружно, – призвал к порядку Никифоров, протягивая нам по бокалу.

– А знаешь, я приглашу тебя на нашу свадьбу, – сообщила Анна и истерично захохотала. Ее поведение, а главное – ее слова вызвали у меня интерес, но выяснять, что к чему, при посторонних я не стала, решив оставить это на потом.

– Наверное, в самом деле пора расходиться, – поднимаюсь, сказала Лера, я последовала ее примеру. За мной встали Райзман и Петр.

– Идите, – махнула рукой Анна, – лижите этой стерве пятки, а меня увольте.

– Ты ведешь себя как идиотка, – не выдержала Вера.

– А ты вообще заткнись. Знаю я тебя как облупленную. Чего ты из себя строишь?

– Ну, хватит. Замолчи, или вылью на тебя ведро воды, чтобы протрезвела.

– Идемте, – позвал Райзман.

– И что, все уходят? – захныкала Анна. – Оставьте женщину умирать от тоски?

Мы направились к трапу, Лапшин замешкался.

– Ты идешь? – спросила Лера, он неохотно последовал за ней, с Анной остались Вера и Никифоров.

– Налей мне еще, – услышала я ее голос, уже спускаясь.

– Чтобы я еще хоть раз взяла тебя с собой, – выговаривала

ей Верочка.

– Ерунда, скоро они все будут бегать передо мной на задних лапах, а этой стерве...

Остальное я не расслышала, мы спустились вниз.

– Спокойной ночи, – пожелала я, распахнув дверь своей каюты. Прошла в душ, слыша, как за тонкой перегородкой возится Петр. Он что-то уронил, чертыхнулся. На сей раз душ работал исправно, я облачилась в пижаму и легла. Не успела закрыть глаза, как рядом скрипнула дверь и ко мне постучали, я была уверена, что это Райзман, и открывать не собиралась.

– Ольга, – позвал из-за двери Петр, – Ольга Сергеевна.

Пришлось подняться. Он вошел, испытывая неловкость, сесть он мог лишь на мою постель и остался стоять.

– Я должен извиниться, – сказал он, кашлянув.

– Ерунда.

– Анна... она... неплохой человек, не знаю, что на нее нашло.

– В любом случае вам за нее извиняться ни к чему. Считайте, что я уже обо всем забыла.

– Спасибо. То есть я хотел сказать... знаете, у меня странное чувство. Точно что-то должно произойти. Недоброе.

Я мысленно вздохнула. У парня ночные страхи, боюсь, это надолго. Но так как предполагалось, что я здесь как раз для того, чтобы его от них избавить, я предложила:

– Садитесь и рассказывайте.

– Нет, нет, спасибо. Собственно, нечего рассказывать, просто предчувствие. У вас так не бывает?

– Бывает, конечно. Скажите, Петр Викентьевич, – я сама не заметила, как мы вновь перешли на «вы», похоже, и он не обратил на это внимания, – предчувствие касается кого-то из ваших друзей?

– В каком смысле? – испугался он.

– В смысле, вы кого-то подозреваете в злом умысле?

– Я? Что вы... Они все приличные люди, я давно их знаю, а потом... при чем здесь они, господь с вами...

– Но предчувствие все же присутствует, – напомнила я. Он растерянно огляделся.

– Наверное, я сам себя пугаю. Пойду спать. Еще раз извините.

– Вот что, Петр Викентьевич, перегородки здесь тонкие, если вам вдруг что-то покажется странным или подозрительным, постучите в стену, и без стеснений. Договорились?

– Честное слово, мне очень стыдно. Это как-то совсем не по-мужски.

– А вы наплюйте и помните, что я на работе.

– Значит, вы тоже заметили? – перешел он на шепот, нервно косясь на дверь.

– Что заметила? – нахмурилась я.

– Что-то назревает. Некоторая напряженность...

– Напряженность, пожалуй, присутствует, – согласилась я, чтобы не разочаровывать его. – Если хотите, можете но-

чевать здесь.

– Спасибо, – растерялся он. – Я и так злоупотребляю вашей добротой.

Петр неловко попятился и вышел из каюты. Я поднялась и заперла за ним дверь, легла и попыталась уснуть. Кондиционер шумел, окно было закрыто, но в каюту доносились голоса с палубы. Значит, еще не разошлись. Я честно попыталась уснуть. За перегородкой ворочался Петр, похоже, тоже не спал. Через час мне стало ясно, что уснуть не удастся.

Я поднялась, решив закурить, делать этого в каюте не хотелось. Я вышла, набросив халат на плечи. С кормы доносились пьяные голоса. Я немного прошла и осторожно выглянула, надеясь, что меня не увидят. В свете китайского фонаря я разглядела Анну, которая казалась почти трезвой, Веру с бокалом в руках, а рядом с ними Лапшина и Никифорова. Значит, Лапшин покинул жену и решил продолжить веселье. Анна что-то сказала, и все четверо дружно захохотали.

– Тише, – шикнула Вера, – мы мешаем людям спать.

– В такую ночь спать грех, – сказал Никифоров, понижая голос.

Они заговорили шепотом, я прошла на нос яхты, сквозь стекло увидела одного из мачо, он нес вахту. Закурила и тут же пожалела об этом.

– Выкуренная на ночь сигарета – верная дорога к раннему старению, – глубокомысленно изрекла я, выбросила сигарету за борт и немного постояла, пялясь на звезды. Из головы

не шли слова Анны. Любопытно, что она имела в виду? Похоже, девушка собралась замуж. За одного из присутствующих? Тогда угрозы довольно бестолковы. Если же она имела в виду кого-то другого, не понятен ее интерес к Райзману. «Пьяный бред», — решила я в конце концов и отправилась спать. Очень скоро выяснилось, что уснуть так и не удастся, и я, закинув руки за голову, предалась праздным мыслям.

В три часа ночи никакие мысли не радуют. Злясь на себя за то, что согласилась на эту поездку, я подумала, что не худо бы выпить чего-нибудь покрепче, авось и усну. Но подниматься на палубу не хотелось, зачем портить людям вечер?

Голоса стихли, но не похоже, что народ разошелся по каютам, я бы услышала. Тут скрипнула дверь, кто-то очень быстро прошел по коридору, и вновь воцарилась тишина. Петр громко всхрапнул, слава богу, хоть он спит, значит, на палубу вышел либо Райзман, либо Лера. Наверное, Лера. Должно быть, тоже не спится. Вряд ли ей по нраву поведение мужа. Хотя ничего предосудительного он не сделал. Это я так думаю, а что думает она, мне неизвестно. Я все-таки поднялась. Выпивка должна быть в кают-компании, туда я и направилась. Дверь была отперта, я вошла, включила свет и с удивлением обнаружила Тамару Ивановну, спящую на диване. Я-то была уверена, что она занимает свободную каюту. Впрочем, с ее габаритами в кают-компании удобней. Я торопливо выключила свет, пока женщина не проснулась, и вышла. О выпивке придется забыть. Я как раз стояла рядом с каютой

Лапшиных, напротив была свободная. Не зная, зачем я это делаю, я нажала ручку свободной каюты, дверь открылась. Она была пуста. Странное дело, меня вдруг тоже посетило предчувствие. И вместо того, чтобы уйти, я включила свет и огляделась. Каюта – точная копия моей. Но что-то насторожило... запах. Ну, конечно. Пахло крепким мужским потом. «Давай без фантазий, – сказала я себе. – Здесь душно, воздух спертый, потому что кондиционер отключен. К тому же здесь могли отдыхать мачо. Может, кондиционер не работает?»

Кондиционер работал, в этом я могла убедиться, торопливо выключила его и покинула каюту. В этот момент яхта дала крен вправо, я не удержала дверь, и она захлопнулась со страшным грохотом.

– Вот черт, – пробормотала я с досадой.

– Гена, – позвал из-за двери сонный голос, – это ты?

– Это я, извини, дверь неловко закрыла. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ответила Лера, а я, досадливо морщась, пошла по коридору. Возле каюты Петра прислушалась, он что-то пробормотал во сне, надеюсь, я его не напугала.

Вместо того чтобы идти к себе, я вновь поднялась на палубу и едва не столкнулась с Лапшиным, нетвердо ступая, он шел к трапу.

– Завтра головная боль мне обеспечена, – пожаловался он неизвестно кому, поскользнулся на ступеньках и едва не упал. – Да что за черт!

– Осторожно, – услышала я голос Леры и, выглянув, увидела, что она стоит в дверях своей каюты. – Я тебе помогу.

– Вы когда утомонитесь? – подал голос Райзман.

– Молчу, молчу, – пробормотал Лапшин.

Так, Райзман каюты не покидал? Выходит, я напутала?

Теперь и фонарики на палубе не горели, но небо уже серело на востоке.

– Ты идешь или нет? – спросила Вера подругу, держась за руку Никифорова.

– Посижу пять минут.

– Ну, как знаешь.

Они пошли к трапу, Никифоров взглянул на меня, но заметил или нет, не знаю. Я направилась на нос яхты, не желая встречаться с Анной, она сидела в шезлонге, держа в руках бокал. А на меня снизошло умиротворение. Опершись на перила, я смотрела в темную воду и думала о том, что жизнь прекрасна. Не часто меня посещают такие мысли, оттого я порадовалась и уходить не собиралась.

Минут через десять я услышала плеск, будто что-то тяжелое упало за борт. «Вдруг Анна свалилась? – нахмурилась я. – А что, любовалась рекой, как я, и... Чепуха». Я пробовала отвлечься от этой мысли, но не тут-то было.

Постояв еще немного, я все-таки отправилась на корму. В предутреннем свете женская фигура в шезлонге была отчетливо видна. «Ну вот, – подумала я с некоторой обидой. – Никуда она не свалилась. Похоже, дамочка уснула». У трапа

я еще раз взглянула на Анну, без всякого к тому желания, и вдруг замерла. Мне не понравилось, как она сидит. Откинутая рука слишком неподвижна, даже для спящего человека.

Я направилась к ней, сердце вдруг забилося с бешеной скоростью, вот тебе и предчувствие. Анна полулежала в шезлонге, глаза открыты, волосы включены, на шее от уха до уха страшная рана, удар был чудовищной силы. Ей перерезали горло.

– Твою мать, – пробормотала я, глядя на залитую кровью грудь девушки, пятно постепенно увеличивалось, кровь еще шла, значит, убили ее всего несколько минут назад. Я услышала шаги за спиной, резко повернулась, готовая к тому, что столкнусь с убийцей. В двух шагах от меня стоял Никифоров и улыбался, он хотел что-то сказать, но улыбка тут же сползла с его лица.

– В чем дело? – произнес он испуганно, затем сделал два шага и увидел то, что видела я. – Господи, – простонал он, – что вы наделали?

– Вы в своем уме? – удивилась я, хотя надо было бы испугаться, все складывалось для меня чересчур скверно.

– Так это не вы? А кто?

– Откуда мне знать? Я подошла за несколько секунд до вас.

– Да? Значит, убийца... А как вы здесь оказались?

– А вы?

– Я? Я пошел спать, потом решил покурить, увидел вас...

– Я тоже решила покурить.

– Я видел, как вы прятались, – заявил он.

– Я не пряталась, я просто стояла в тени и не желала вам мешать.

– Все это очень подозрительно, – пробормотал он.

– Вот именно. Своими подозрениями вы, Павел, поделитесь в милиции... Не трогайте! – рывкнула я, заметив, что он потянулся к бокалу. – Ничего здесь не трогайте до прихода милиции.

– Но... где милиция? Как мы...

– Разбудите Петра, пусть поднимается сюда и прихватит мобильный.

– Хорошо, – кивнул он и бегом припустился к трапу.

Вернулся он минут через пять. Надо полагать, разбудить Петра было непросто, тот шел за Павлом в полосатой пижаме, а на лице отчетливо читалось сомнение. Наверняка решил, что его разыгрывают. Далее последовали неизменные «боже!» и «что же нам теперь делать?».

– Звонить в милицию. Это первое. Второе. Надо вернуться в город. Скажите своим парням, чтобы разворачивались и шли на предельной скорости.

– Хорошо, – кивнул Петр растерянно. – Я пойду... а в милицию, может быть, вы сами?

Он протянул мне телефон, и я набрала номер под напряженным взглядом Никифорова.

Время было позднее, дежурный сообщал неважно, а мо-

жет, я ни черта не соображала, в общем, говорили мы долго, пока он наконец понял, что к чему. Яхта уже успела развернуться. Ко мне подошел Петр.

– Где мы приблизительно находимся? – обратилась я к нему.

– Понятия не имею, – расстроился он. – Сейчас спрошу. – И припустился к рубке. Вернулся быстро, и я продолжила разговор с дежурным.

– Часа через два будем в районе Черкасова. Мы возвращаемся в город, но чем скорее ваши люди будут здесь, тем лучше. – Он бодро согласился, и я отключилась.

– И что теперь? – спросил Никифоров.

– Ничего. Будем ждать милицию.

– Я думаю, имеет смысл сообщить остальным. Разве нет?

– Им ничто не мешает спать спокойно до прибытия милиции.

– Я так не считаю, в конце концов...

– Делайте что хотите, – решила я не вступать в полемику.

Никифоров взглянул на Петра, тот пожал плечами и виновато заметил:

– Я думаю, Оля лучше знает, у нее есть опыт...

– Что ты имеешь в виду? – разозлился Никифоров.

– Она работала в милиции, следователем. Ведь это правда, Ольга Сергеевна?

– Всего год, и довольно давно. И совершенно не претендую на роль сыщика. Тем более что через несколько часов

здесь будет милиция.

Никифоров посмотрел на нас, кашлянул и сказал:

– Я все-таки сообщу остальным.

Через двадцать минут и остальные пялились на труп и беспомощно разводили руками. На меня поглядывали насто-
роженно, ясное дело, Никифоров уже сообщил, что застал
меня рядом с убитой.

– Я ничего не понимаю, – захныкала Вера.

«Неудивительно», – мысленно съязвила я, дама с трудом
стояла на ногах, а уж соображать и вовсе не могла.

– Кому понадобилось ее убивать? Зачем? И вообще... А
куда он делся? – додумалась спросить она.

– Кто, дорогая? – задал встречный вопрос Никифоров,
сверля меня взглядом.

– Убийца, естественно.

Повисло тягостное молчание.

– Я думаю... – откашлялся Петр, – так получается, что...
мне очень неприятно...

– Но убийца кто-то из нас, – закончил его мысль Никифо-
ров, продолжая гневно сверкать глазами. – Что скажете? –
обратился он ко мне.

– Не уверена, – пожала я плечами.

– Кроме нас, на яхте еще трое, – напомнил Райзман.

– До приезда милиции у нас есть время, – неожиданно
подала голос Лапшина, – и мы могли бы все обсудить.

– Что «все»? – не удержался Никифоров.

– Ситуацию. Выяснить, кто чем был занят в момент убийства. Возможно, кто-то слышал что-то подозрительное или видел?

– Мне не по душе игра в сыщиков, – отмахнулся ее муж. – Вот приедут следователи...

– А по-моему, Лера права, – заявил Райзман, поглядывая на меня. – По крайней мере будем знать, чего стоит ждать от жизни. И не обольщайтесь, пожалуйста, для милиции мы все в равной степени окажемся подозреваемыми.

– Господи, как это могло произойти? – едва не плача, вздохнул Петр. – Мне даже в голову не приходило, что убьют ее...

– А насчет кого приходило? – встрял неутомимый Никифоров.

– Я... я... я опасался за свою жизнь.

– Ребята, на ее месте должен быть я, – дурашливо пробормотал Лапшин. – Извините, – сказал он, смутясь, – я не верю, что убийца среди нас. Допустим, за тех двух парней я ручаться не могу, а что касается остальных... Кому надо ее убивать, скажите на милость? Ольге Сергеевне? Чушь. За то, что пьяная баба наговорила гадостей, не убивают.

– Не скажи... то есть слова словам рознь. Лично я даже не понял, что она имела в виду, – заметил Никифоров. – Какую-то свадьбу, так, кажется? – Он уставился на меня, ожидая пояснений.

– Мне самой это очень интересно, – сообщила я. Теперь

все устали на Веру.

– Я ничего не знаю, – заволновалась она. – И не смотрите так. Я считаю, что это просто пьяный бред и ничего более.

– А что, если она кого-то шантажировала? – вдруг подала голос Лапшина. Положительно, дамочка увлекается детективами. – И этот человек воспользовался ситуацией...

– И кто, по-вашему, этот человек? – съязвил Райзман. Я с некоторым удивлением поняла, что он испуган, по крайней мере нервничает всерьез.

– Я попросила бы вас не увлекаться, – призвала я граждан к спокойствию. – Убийством займется милиция.

– Лично мне бояться милиции нечего, – заявил Лапшин. – Убитую я сегодня увидел впервые. Моя жена тоже. Я прав, дорогая?

– Прав.

– Когда я уходил с палубы, Анна была жива. Я выпил лишнего, жена помогла мне добраться до постели. Ни у нее, ни у меня возможности убить просто не было.

– Лера, когда мы разговаривали с вами, вы еще приняли меня за мужа... – обратилась я к Лапшиной.

– Да-да...

– Не помните, который был час?

– Без пятнадцати три. Я проснулась, услышав шаги, и посмотрела на часы. Гены в каюте не было, и я решила, что это он возвращается и не может отыскать дверь, вот и позвала.

– А что вам понадобилось возле чужой двери? – проявил

интерес Никифоров.

– Мне понадобилась выпивка, и я надеялась найти ее в кают-компании, но там спала Тамара Ивановна.

– О господи, я ее не разбудил, – вспомнил Петр.

– Думаю, Тамара Ивановна здесь совершенно ни при чем, – отрезал Никифоров, успевший возложить на себя миссию дознавателя. – Мне хотелось бы послушать Ольгу Сергеевну. Итак, вы обнаружили в кают-компании Тамару Ивановну и...

– И пошла к себе. Яхту качнуло, и дверь восьмой каюты хлопнула, от этого Валерия и проснулась, а я, поговорив с ней, поднялась на палубу. Вы как раз прощались. У меня вопрос: кто-нибудь слышал скрип двери и шаги примерно в два тридцать пять?

Все ненадолго задумались, первым вновь ответил Никифоров:

– Мы вчетвером были на палубе и ничего слышать не могли.

– Я проснулась от шума, – сказала Лера, – и вы...

– Да-да, я помню.

– Я ничего не слышал, – с сожалением ответил Райзман.

– Я тоже, – разволновался Петр, он и не мог слышать, раз крепко спал и даже похрапывал.

Тут заговорили все наперебой, кто что видел и слышал. Воспользовавшись этим, ко мне подошел Петр и увлек в сторону. Надо сказать, что собрание происходило на носу, по-

дальше от трупa, его соседство всех откровенно пугало.

– Ольга Сергеевна, – начал Петр, нервно оглядываясь, – вы сказали, что дверь восьмой каюты была открыта...

– Открыта.

– Но этого не может быть, – зашептал он.

– Что – не может быть? – не поняла я.

– Она была заперта, понимаете? А ключ пропал.

Теперь я смотрела на него в крайнем недоумении.

– Давайте-ка поподробней.

– Когда мы поднялись на яхту, все ключи торчали в замках, помните?

– Что касается моей двери – безусловно.

– Все восемь ключей были на месте, я их лично видел. Я же не знал, кто какую каюту займет, да и вообще... Лапшины могли попросить разные каюты, ведь очень тесно, спать на верхней полке довольно неудобно. Но они поселились вместе, и одна каюта осталась свободной.

– А ключ?

– Ключ так и торчал в двери, по крайней мере, я его не брал.

– Ночью никакого ключа не было, – нахмурилась я.

– Конечно, он исчез еще раньше.

– Что значит исчез?

– После ужина я зашел в рубку, Анатолий стоял за штурвалом, а Иван спал там же. Я предложил ему занять каюту, чего мучиться, раз есть место?

– И тогда выяснилось, что ключ пропал?

– Вот именно.

– Вы его искали?

– Честно говоря, нет.

– А Иван дверь открыть не пробовал?

– Замок ломать? Сказал, чтобы я не беспокоился, ключ найдется, куда ему деться, он где-то на яхте. И я пошел, неудобно гостей оставлять. А теперь вы говорите, что дверь была не заперта.

– Вот что, давайте спустимся вниз.

Мы спустились, и я смогла убедиться, что дверь в самом деле заперта. Ключ, конечно, отсутствовал.

– Дела, – заметила я, слегка присвистнув.

– Ольга Сергеевна, я не хочу, чтобы у вас были неприятности, поэтому...

– Я все поняла, – кивнула я поспешно.

Ситуация складывалась паршивая. Открытую дверь видела только я, скрип и шаги тоже слышала я одна, теоретически зарезать Анну мне тоже ничего не мешало, дело двух минут. Она сидела в шезлонге, пьяная, – подошла сзади, схватила за волосы и полоснула ножом по горлу. Никифоров заявит, что не только обнаружил меня рядом с трупом, но и на некоторое время оставил меня после этого одну, так что ничто не мешало мне избавиться от орудия убийства, например, выбросить нож за борт.

В общем, меня несколько не удивило, что у милиции я

оказалась практически единственным подозреваемым. Памятуя мое близкое знакомство с Дедом, они не спешили с обвинениями, но и так все было предельно ясно. Плеск за бортом тоже, кроме меня, никто не слышал. Правда, один из мачо, Анатолий, заметил за несколько минут до убийства мужскую фигуру по левому борту. Мужчину он не разглядел, потому что не очень интересовался, но определенно это был мужчина. Меня он тоже видел в окно рубки.

Значит, мы стояли с убийцей друг напротив друга. Забавно. Выходило, что повод для убийства, хоть и дурацкий, тоже был только у меня. По крайней мере все в один голос заявили, что Анна упорно искала со мной ссоры. То, что я легонько задела ее локтем, тоже углядели. Впрочем, еще у одного человека был мотив – ревность. Но Лапшина убить ее не могла, я видела, как она встречала мужа, и Анна тогда была жива. Конечно, ничто не мешало Лере тут же подняться на палубу, зарезать ее и спуститься вниз, но ее шаги кто-то бы наверняка услышал, а, судя по показаниям, в коридоре царила тишина, лишь Райзман засек, как Никифоров возвращался на палубу, соблюдая максимум осторожности, но в тот момент в шезлонге уже сидел труп. Конечно, обвинение мне не предъявили и вместе со всеми отпустили домой, но покоя в душу мне это не принесло.

Дома я оказалась ближе к обеду, в невеселых думах прошлась по огромной квартире. Взглянула на часы, надо съез-

дить к Ритке, забрать Сашку. Я поморщилась, представив разговор с Риткой. Пожалуй, стоит немного подождать, раз уж я обещала вернуться поздно вечером.

Я села на диван и потерла лицо руками. Зазвонил телефон, я была уверена, что это Лялин, оказалось – Дед. В его голосе слышалась растерянность.

– Что произошло? – спросил он.

«Уже донесли», – с неудовольствием подумала я.

– Убили девушку на яхте моего друга.

– Я...

– Я благодарна тебе за заботу, но должна напомнить, что тебя это не касается.

– Меня все касается, – рыкнул он, а я в досаде ответила:

– Иди к черту. – И бросила трубку. После чего ощутила угрызения совести. Зря я так. Он действительно переживает за меня, как бы то ни было, а мы с ним люди не чужие. Но перезванивать ему мне не хотелось. Я тупо смотрела на телефон, пока Дед сам не перезвонил.

– Ты считаешь виноватым меня? – спросил он нерешительно.

– Не болтай чепухи, – возразила я. – При чем здесь ты, скажи на милость? У меня неприятности, но я с ними разберусь, можешь не сомневаться.

– Если понадобится помощь...

– Не понадобится, – чересчур поспешно сказала я. – Извини, – добавила покаянно, – мы ведь договорились, что не

будем лезть в жизнь друг друга. Так?

– Ничего подобного. Ты ушла, наговорив мне гадостей, что, впрочем, не мешает мне любить тебя и проявлять беспокойство. – Мне вновь захотелось послать его к черту, но я сдержалась. – Хочешь, приеду к тебе? – вдруг предложил он. – Или сама приезжай.

От такого-то счастья у меня зуд пошел по всей спине, старому змею палец в рот не клади, махом оттяпает всю руку – сегодня я к нему еду, завтра мы встречаем рассвет в объятиях друг друга, а через день я уже в его команде, выполняю конфиденциальные поручения и получаю по шее. Попутно мне растолковывают, что я должна, а что ни в коем случае. Спасибо, сыты по горло вашей милостью.

– Не надо никуда ехать, – отрезала я, собравшись с силами и мысленно повторяя: «не дай ему запудрить тебе мозги». – И вообще, ничего не надо.

На сей раз трубку бросил он, что меня вполне устроило. Я вздохнула с облегчением и попыталась смотреть на жизнь с оптимизмом.

Вскоре позвонили в дверь, и я пошла открывать, прикидывая, кого это черт принес. Мелькнула мысль: вдруг Дед, но как мелькнула, так и пропала, у Деда ключ есть. Я посмотрела в «глазок», чтобы в случае чего затаиться. Лялин стоял на моем пороге и теребил рыжие усы, признак повышенной нервозности. Пришлось открывать. Тут выяснилось, что Лялин не один, рядышком с постным видом стоял Артем Веш-

няков, мент и по совместительству мой приятель, я бы даже сказала – друг. Перед тем как я покинула контору Деда, мы с Вешняковым расследовали убийство в универмаге, накопили много лишнего и попытались восстановить справедливость, получили по мозгам по самое «не могу» и с тех пор встречались редко. Не очень-то приятно лицезреть друг друга и вспоминать, какими олухами мы были. С Лялиным они знакомы, но вряд ли встречались хоть раз с той поры, и если сейчас стоят плечо к плечу, причина одна: я по уши в дерьме, о чем им доподлинно известно, а чужое дерьмо иногда объединяет, вот как сейчас.

– Приятно вас видеть, – сказала я, раздвинув рот до ушей.

– Чего ты зубы скалишь? – буркнул Лялин, заходя первым.

– В самом деле, – нахмурился Артем.

– Меня еще не упекли за решетку, так что давайте без трагизма.

Я захлопнула дверь, подумав: мне надо радоваться, у меня два верных друга, далеко не каждый может этим похвастать.

– Проходите в кухню, коньяком напою.

Они прошли и сели за стол, я выставила коньяк, лимон кружочками и икру, которая завалялась в холодильнике, и тоже устроилась за столом. Лялин взглянул на бутылку, понюхал и сказал:

– Неплохой коньячок. – Но выпить не торопился. Артем даже не приняховивался, а у меня от коньяка изжога. – Давай

рассказывай, – сказал Лялин.

– Чего рассказывать? – пожала я плечами. – Небось все уже знаешь. – Я кивнула головой в сторону Артема.

– Знаю, не знаю... мне детали важны.

– Важны, так все открою без утайки, – ответила я и, само собой, рассказала.

– Какие будут соображения? – спросил Лялин после моего обширного повествования, обращаясь в основном к Артему.

– Теоретически кто угодно мог зарезать, за исключением разве что поварихи. Габариты не те, не смогла бы по коридору незамеченной проскользнуть. А так... у Лапшиных алиби, но они муж и жена, следовательно, тому, что они говорят, веры никакой. Приревновала муженька, уложила на кровать, потом выскользнула на палубу и ножичком по горлу. Муженек тоже мог отлучиться, хмель как ветром сдуло, и тоже за ножичек. Петр твой и Райзман, кто сказал, что они спали? Убедились, что народ по каютам расползся, и наверх. Пока ты рекой любовалась, девушку один из них полоснул. Вера могла иметь что-то против подружки, а Никифоров вообще вел себя подозрительно. Зачем он, к примеру, на палубу вышел?

– Воздухом подышать.

– Ага, воздухом. Девку прирезал, стал спускаться и вдруг твои шаги услышал, сообразил: обнаружишь труп, крик поднимешь и его застанут у трапа, вот он с разворотом опять на палубу и к тебе с претензиями. Могло такое быть?

– Меня сейчас больше интересует, что имела против меня убиенная?

– Узнаем, – кивнул Лялин. Я тоже кивнула, ни секунды не сомневаясь в его способностях. Тут выяснилось, что кое-какие справки он уже успел навести.

– На первый взгляд никто из компании не связан друг с другом какими-либо делами.

– А если шантаж? – насупился Артем. – Девушка вполне могла...

– Могла, – согласился Лялин, хотя не терпел, когда его перебивали. – Также не исключая тесных любовных уз, хотя пока вроде ничего подобного. – Он извлек из кармана джинсов мятые листки бумаги с немыслимыми каракулями, понятными одному ему. – Итак. Петр Сафронов. Человек, весьма опасавшийся за свою жизнь, возможно, и не зря опасавшийся в свете последних событий.

– Подожди, – нахмурился Артем. – Чего-то я не пойму...

– Очень возможно, что кто-то действительно желает ему смерти, а девушке об этом стало известно, в результате – труп. Я предлагаю еще раз хорошенько вникнуть в его дела. Милиция вряд ли этим всерьез займется, значит, надо нам. Мне это проще всего, я и займусь.

– Может, он дурака валял и все придумал, угрозу своей жизни то есть, чтобы девку прирезать. А что?

– Это тоже будем иметь в виду. – Терпение Лялина вызвало уважение. В другое время Артем давно бы уже схло-

потал за свой жаркий энтузиазм. – Далее чета Лапшиных. Он президент коммерческого банка. Богатый человек, отзывы самые положительные. Супруга работает в музыкальной школе, преподает сольфеджио. Я не представляю, что это такое, но деньги платят левые, значит, за идею работает. Хотя может быть другой вариант: с муженьком не очень ладит и проявляет независимость. – Я с интересом взглянула на Лялина, признаться, мне бы такое в голову не пришло, все-таки забавный он мужик, во всем умудряется найти корысть или подлость. – По общему мнению, живут дружно. Детей нет, хотя в браке уже десять лет.

– А в чем причина? – спросила я, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально, хотя, конечно, язвила.

– Извини, не было времени узнать, – как ни в чем не бывало ответил он. – Следующая – Вера Нежданова. Та еще дамочка. Муж погиб несколько лет назад, все его деньги отошли сыну от первого брака, она получает что-то вроде пенсии. Живет на широкую ногу, особо ни в чем себя не стесняя. Пенсион на такую жизнь не хватит, есть мнение, что ее содержат любовники. Однако Никифоров, который как раз числится в любовниках, особо похвастать хорошими делами не может, они идут ни шатко ни валко после трагической гибели его компаньона.

– Что с ним случилось?

– Угорел в бане. Говорят, выпил лишнего, пил в одиночестве, дело произошло на даче, где он тоже отдыхал один.

Делами занимался он, Никифоров был на подхвате, и теперь ему нелегко. До разорения далековато, но содержать любовницу с замашками Веры все-таки не по карману. Не женат, детей нет. С убитой встречался, и, может быть, что-то между ними было, но пока не прослеживается. Райзман, врач, имеет собственную клинику, очень богатый человек, его отец, Краковский Борис Натанович, крупнейший торговец антиквариатом. Магазин на Стрелецкой.

– А-а... – дружно протянули мы с Артемом.

– Вот вам и а-а... Папа умер почти год назад, а Артурчик – единственный наследник. Клиника тоже приносит неплохой доход. По поводу клиники не скажу, а вот антиквариат – это интересно. Обычно эта публика с законами обращается вольно. Покопаться стоит, вдруг у нашего мальчика рыльце в пушку. Далее кандидаты менее перспективные: Лавров Иван Николаевич и Сидоренко Анатолий, состоят в родстве, один другому доводится дядей, хотя по возрасту ровесники. Дружат соответственно с детства, ни в чем предосудительном замечены не были, ни одного привода в милицию, оба закончили пединститут, физвос, разумеется, работают тренерами в спортшколе, подхалтуривают зимой в стриптизе в массовке, летом спасателями на лодочной станции, второй год нанимаются на яхты, есть своя лодка, одна на двоих, на ней выходят редко. Живут скромно, единственное, где стоит поискать: близкое окружение, попросту говоря, приглядеться к бабам, их немерено, парни видные, возможно, любовь у них

не совсем бескорыстная, но это только мои личные предположения. И последняя, Латина Тамара Ивановна. Эту можно проверять лишь для очистки совести. Главная героиня – Горина Анна Ивановна, двадцать пять лет, три года назад отчислена из педагогического института за неуспеваемость. С тех пор нигде не работала, жила одна в квартире на улице Сталеваров, дом восемь, родители живут в Брянске. Это все.

– Ну что ж, есть над чем поработать, – оптимистично сказал Артем и улыбнулся мне.

– Надо как можно быстрее найти мальчишек из Черкасова, которые вчера рыбачили на Марьиной Губе, – кивнула я, – а еще отыскать отдыхающих, что стояли там лагерем. Вопрос один: не заметил ли кто незнакомого мужчину?

– Какого мужчину? – не понял Артем.

– К сожалению, как он выглядит, сказать не могу, понятия не имею. Но думаю, что это был мужчина, причем он старался гражданам на глаза не попадаться и, возможно, на остров попал вплавь. До берега там недалеко, для хорошего пловца сущая ерунда. Хотя он мог приехать с кем-то из отдыхающих, но тогда должен был придумать причину, по которой отлучался на длительное время.

– У тебя есть версия? – воспрянул духом Артем, в то время как Лялин сверлил меня взглядом.

– Тут вот такая штука. В восьмой каюте, которая оставалась свободной, явно кто-то был. Прежде всего незадолго до убийства я слышала, как скрипнула дверь и некто прошел

по коридору. Но все четверо, находившиеся в тот момент в каютах, утверждают, что не выходили, если не врут, конечно. Когда я заглянула в каюту, она была пуста, но пахло потом, что неудивительно, если человеку пришлось проторчать там несколько часов, каюта за день прогрелась и жара, как в печи, а воспользоваться кондиционером он не мог, перегородки тонкие, кто-то услышит и заинтересуется. Сафронов утверждает, что каюта была заперта, а ключ от нее потерян, но я-то прекрасно знаю, что это не так, то есть у кого-то этот самый ключ был. Когда мы перед приездом милиции туда сходили, дверь каюты уже была заперта и ключ отсутствовал. За несколько минут до того, как обнаружить труп, я слышала всплеск. Очень вероятно, кто-то покинул судно и вплавь отправился к берегу. Сообрази я тогда как следует осмотреть реку... наверняка на яхте есть прожектор или что-то в этом роде...

– То есть ты хочешь сказать, кто-то спрятался в восьмой каюте, дождался, когда Анна останется одна, прирезал ее и смылся вплавь?

– Примерно так.

– Он отправился вместе с вами и целый день просидел в каюте с тонкими перегородками? Откуда он мог знать, что именно эта каюта окажется свободной?

– Он взошел на яхту на острове, потому я и прошу опросить всех, кто вчера отдыхал там. Вдруг что-то заметили?

– Ты ментам о своей версии рассказала? – поинтересовал-

ся Лялин.

– Ага, только вряд ли они прониклись. Открытую дверь восьмой каюты видела я одна, всплеск тоже слышала только я, вполне резонно предположить, что я фантазирую, чтобы свалить вину на неведомого дядю. Но я не фантазирую, и надо иметь в виду возможность существования Икса.

– Подожди, – хлопнул рукой по столу Лялин, который во всем любил порядок. – Еще раз: по-твоему, кто-то пробирается на яхту с целью убить Горину? Он должен был знать, что яхта зайдет на Марьину Губу и проведет там весь день. Допустим, свободную каюту он нашел сам, увидев, что вещи отсутствуют, хотя это довольно опасно. Он так же знал, что Горина на палубе останется одна. Все это очень... сомнительно.

– Сомнительно, – не стала я спорить. – Выходит, Икс – на редкость рискованный парень. Играл наудачу. Конечно, он мог убить Горину в ее каюте, но ведь туда надо войти и действовать очень тихо, раз перегородки тонюсенькие. Поэтому палуба предпочтительнее. Он покидает каюту, убедившись, что половина граждан уже спит. Сидоренко заметил мужчину как раз тогда, когда я любовалась рекой. Уверена, это был Икс.

– Но откуда ему было знать, что Горина останется одна?

– А почему, собственно, она одна осталась? – задала я встречный вопрос. – Хотела подышать воздухом? А может, выждать время и с кем-то встретиться?

– Точно, – обрадовался Артем. – Ну, конечно. Он ей встречу и назначил.

– Подождите, – поморщился Лялин. – Вы хотите сказать – девчонка знала, что он на борту? Но это бред. В конце концов она могла явиться с Иксом и тому не пришлось бы прятаться.

– А если у них был какой-то план? Девчонка являлась его сообщницей, – не унимался Артем, – но парень вместо этого решил избавиться от Гориной.

– Очень неплохо для детектива, – кивнула я. – Предположим, убить хотели кого-то другого, но киллер, которого к тому могла принудить шантажом все та же Горина, вместо этого перерезал горло ей и был таков.

– Не морочьте мне голову, – разозлился Лялин. – Что хорошо для сериала, не годится в жизни.

– У Икса точно был помощник, – настаивала я. – Дверь в восьмую каюту была открыта, а через некоторое время оказалась заперта. Если Икс сразу после убийства нырнул за борт, запереть ее он не мог. Да и сам факт, что он спускается вниз, чтоб запереть дверь, вызывает большой риск. Кто-то запер ее уже после его исчезновения.

– А почему бы ему не запереть ее сразу? – хмыкнул Лялин.

– А ты подумай. Парню надо пройти по коридору, где в любой момент может кто-то появиться.

– Да, возиться с ключами в такой ситуации обременительно, а запереть дверь на то время, пока прячешься в каюте,

можно изнутри, оставив ключ сообщнику.

– Какому сообщнику, если он ее зарезал? – растерялся Артем.

– А вот это и предстоит выяснить, – усмехнулся Лялин. – Рабочая версия: некто из присутствующих желает избавиться от Гориной, ему помогает Икс. На острове они встречаются, и некто передает Иксу ключ от восьмой каюты и объясняет ее местонахождение. Икс пробирается на борт и спокойно сидит там. Поздно вечером, когда половина гостей уже спит, а вторая сильно навеселе, он поднимается на палубу. Некто его уже предупредил о том, что оба спортсмена в рубке, повариха в кают-компании, а Горина на палубе. Он надеется застать ее одну, потому что некто назначает ей свидание. Ну, как?

– Гениально, – кивнула я.

– Мне тоже понравилось, – согласился Артем.

– Отлично, теперь самое простое: найти этого «некто», а вслед за ним и Икса. – Лялин поднял рюмку и предложил: – За удачу.

Мы выпили, потому что за удачу грех не выпить, посидели еще минут двадцать и разошлись.

Если честно, я почувствовала себя гораздо лучше, точно нащупала почву под ногами. Нет ничего тайного, что при известной настойчивости не сделалось бы явным. Чего-чего, а настойчивости у меня хоть отбавляй.

Лялин прав, если у Икса был сообщник, они должны были

встретиться на острове. Все хоть раз да отлучались. Но самыми перспективными в этом отношении были: Лапшины, Никифоров и Вера. Я старалась приглядывать за Петром, а Райзман старался не терять из вида меня. Повариха и мачо, если верить их рассказам, с яхты не сходили, правда, мачо дважды купались, по их собственным словам. Значит, Лапшины, Вера и Никифоров. С них и начнем.

Но к расследованию я приступила лишь на следующий день, а в тот вечер поехала к Ритке, потому что меня замучила совесть: Сашка до сих пор в людях. Стоило ей открыть дверь, как я поняла: уже знает, хотя сегодня воскресенье и предполагается, что у нее выходной. Что ж, новости в нашей богадельне всегда распространялись с космической скоростью.

Ритка страдальчески сморщилась и сказала:

– Заходи.

Сашка выскочил из комнаты, с энтузиазмом виляя хвостом.

– Привет, пес, – сказала я, присев на корточки и глядя его.

– Чаю выпьешь?

– Спасибо. Мы, пожалуй, пойдем.

– Рассказывай, что случилось.

– Так ты уже знаешь, – хмыкнула я.

– Ничего я не знаю... Позвонила подруга, у нее муж в ментовке, и сказала, что ты... что при тебе убили человека. Неужто правда?

– Ага. Я тебе больше скажу, у ментов есть подозрения, что я и убила.

– Они что, спятили?

– Да не похоже.

– А Дед в курсе?

– Уже звонил.

– Надеюсь, у тебя хватило ума не выпендриваться, а поговорить с ним по-человечески и все объяснить.

– Более или менее.

– Что – более или менее? – разозлилась она.

– Знаешь что, мы пойдем. Спасибо тебе за приют.

– Кого убили-то? – хватая меня за руку, спросила она.

– Женщину. Молодую. Наверное, красивую.

– А с чего эти олухи решили, что ты можешь каким-то образом...

– Мы с ней малость поскандалили, – покаялась я.

– Ты с ней поскандалила? – не поверила Ритка. – С какой стати? Только не говори, что выпила лишнего, можешь пудрить мозги кому угодно, но не мне. Лишнего ты не пьешь, да и под этим делом, – тут она выразительно щелкнула по кадыку, – соображаешь лучше, чем большинство на трезвую голову. Так что произошло?

– Сама не знаю. По неведомой причине я ей очень не понравилась, что довольно странно, тем более виделись мы впервые. Она вела себя скверно, а я этого не люблю. В результате легонько задвинула ей локтем. Легонько, – весомо

добавила я. – От этого не умирают, но менты решили, раз локтем задвинула я, значит, вполне и горло могла перерезать.

– Ей горло перерезали? – нахмурилась Ритка.

– Ага. Малоприятное зрелище, скажу я тебе.

– Надо думать. А имя у этой девицы есть?

– А как же. Горина Анна Ивановна.

Ритка вдруг поперхнулась и вытаращила глаза, после чего они нервно забегали, а ее руки принялись теревать пояс халата. Я выпрямилась и со вздохом заметила:

– Вижу, это имя тебе известно. Не поделишься соображениями?

– Ух ты, черт, – с душевной мукой пробормотала она. – Говоришь, девице перерезали горло?

– От уха до уха. – Иногда беседовать со мной одно удовольствие.

– Пойдем на кухню, – позвала Ритка, я пошла за ней, Сашка поплелся следом, озабоченно глядя на меня.

Я устроилась за столом, поглядывая на подругу. Она включила чайник, сновала по кухне без особого толка, избегая моего взгляда. Я сидела молча, потом начала что-то мурлыкать себе под нос, терпеливо ожидая, когда она просветит меня.

– Прекрати, – шикнула Ритка, имея в виду мое мурлыканье, которое становилось все громче.

– Слушаю тебя очень внимательно, – кивнула я.

Она плюхнулась на стул, подперла щеку рукой, физиономия у нее была страдальческая.

– Эта Горина... кажется, они знакомы с Дедом. По крайней мере, некая Горина Анна Ивановна несколько раз ему звонила. Неужто та самая?

– Думаю, она, – пожала я плечами, поражаясь тому, как тесен мир. – Давай поподробней. Зачем звонила?

– Просто звонила.

– По личным делам или государственным? – скривилась я. Ритка взглянула так, что впору было провалиться сквозь землю вместе со стулом.

– Откуда мне знать?

– Что, ни разу не подслушала, о чем они говорят? – невинно поинтересовалась я. Ритка хотела разозлиться, но лишь рукой махнула.

– Послал он ее.

– В грубой форме?

– Он в грубой форме не может, когда возлюбленным отставку дает. Очень вежливо послал, но вполне доходчиво.

– А девушка?

– Девушка плакала. Дед сказал: «Аня, ты не ребенок и должна была знать, что наш разрыв – вопрос времени. Вот время и пришло». Козел старый! – свирепо рявкнула Ритка. – Когда он наконец уgomонится? Пока жил со своей дурищей, хоть в рамках держался, а сейчас что ни месяц, то новая баба. А теперь еще и убийство. Ведь это скандал, неужто

не понимает?

– Девчонка звонила по рабочему телефону вместо того, чтобы позвонить на мобильный?

– Наверняка с отчаяния. Поди, на звонки на мобильный не отвечал, если номер незнакомый или, наоборот, слишком хорошо знаком. Вот и принялась звонить на работу. Короче, он с ней поговорил, она поплакала, потом еще несколько раз звонила, но он с ней говорить не пожелал. Тогда она появилась, поджидала у входа. Мне Вовка рассказывал (Вовка, кстати, это один из водителей Деда). Дед усадил ее в машину и разговаривал на этот раз очень сурово. Она обозвала его сволочью, а он велел остановить машину и девушку высадил.

– А у нее характер, – заметила я, назвать Деда в глаза сволочью совсем не просто, я вот несколько раз порывалась, но так и не смогла.

– После этого она не звонила и больше не появлялась, в конторе, по крайней мере.

– Чудненько, – прокомментировала я. Теперь ненависть покойной ко мне вполне объяснима, раз долгие годы в народе ходили не лишённые основания слухи, что я любовница Деда. Анна о них наверняка знала. Хотя почему выбрала меня объектом своей ненависти, неведомо, соперниц пруд пруди. Ритка права, у Деда что ни месяц, то новая пассия. На старости лет он пошел вразнос. Впрочем, мог себе позволить, раз много лет вдовец. Конечно, моральный облик народного избранника мог бы быть получше, но, думаю, электорат это

переживет.

— Кто-то его подставляет, — изрекла Ритка, уже несколько минут пялясь в стену. Несмотря на здоровую критику, взять, к примеру, выражение «старый козел», под которым я с удовольствием подписываюсь, Ритка была ему абсолютно предана и сейчас, по всей видимости, начисто забыла о том, что у меня неприятности. Теперь душа ее болела лишь о дорогом работодателе. Впрочем, у меня душа тоже болела, но по другой причине.

— Не глупи, — отмахнулась я. — Кому надо его подставлять?

— Да кому угодно. Что у него, врагов мало? Знать бы, что за сволочь... А ты как во все это влезла? — вспомнила она про меня.

— Случайно. Пригласили покататься на яхте... Впрочем, ты знаешь.

— Не верю я в такие случайности, — заметила она, немного покусав губы.

— Очень интересно. Может, пояснишь свою мысль?

— Ясно, что кто-то под него копает, причем с двух сторон: одну любовницу убивают, а вторую подозревают в ее убийстве. Обложили как медведя... суки.

— Не горячись, — посоветовала я. — Если Дед и похож на медведя, то на очень хитрого.

— Только не говори, что он здесь каким-то боком... С какой стати? Зачем ему, сама подумай?

— Вдруг девочка что-нибудь ненароком узнала...

– Ты прекрасно осведомлена, что девок он к своим делам на пушечный выстрел не подпустит.

– Старый стал, теряет осторожность. Или обнаглел, что больше похоже на него.

– Ты меня нарочно дразнишь, – обиделась Ритка.

– Ага. На душе хреново, вот и вредничаю. Ладно. Мы по-топали.

– Найди убийцу, – сказала Ритка, провожая меня до двери.

– На это менты есть.

– Что менты. Я ментам не верю, я тебе верю.

– Премного вам благодарны, – поклонилась я, выходя вместе с Сашкой на лестничную клетку.

– Я серьезно.

– Я тоже. Кстати, найти его в моих интересах. Боюсь, посадят.

– Дед им посадит. А ты отыщи эту сволочь, чтоб другим неповадно было.

– Буду стараться, – сделала я ручкой и направилась к машине.

Сашка затих и с печалью поглядывал на меня. Я хлопнула дверью, завела мотор и задумалась. Открывшиеся вдруг перспективы очень мне не понравились, в основном потому, что они совершенно не понравятся Лялину. Уж сколько раз он зарекался не спорить с властью, и нате вам: опять вляпался.

Думы о Лялине не покидали меня весь вечер, утром я то-

же размышляла о нем, стоя под душем и пытаясь настроить себя на оптимистическое видение мира. Миру было наплевать на это, оттого я ничуть не удивилась звонку, который имел место где-то около одиннадцати.

– Детка, – бодро приветствовал меня Лялин, – давай-ка кофейку попьем.

– Приезжай, – согласилась я.

– Лучше на нейтральной территории. И мента прихвати.

Я позвонила Вешнякову и назначила встречу в 11.30 в баре «Пирамиды». Когда я появилась там, Лялин уже сидел в глубине зала. Он помахал мне рукой и даже поднялся, что было верхом галантности для такого лодыря. Судя по всему, ничего хорошего меня не ждало.

– Прекрасно выглядишь, – заявил он.

– Ты тоже.

– Я старый человек... – принялся, по обыкновению, ка-нючить он, но тут появился Артем, и он заткнулся.

– Чего у вас? – спросил Вешняков, присаживаясь и отказываясь от кофе. – Только покороче, дел по горло. Блин, у людей отпуск, а у меня как лето, так запарка. – Тут он взглянул на меня и добавил: – Дело буду вести я. Это хорошая новость. – Хорошая новость меня не удивила, раз мы успели побеседовать с Дедом. – А теперь давай свою плохую.

Я выжидающе уставилась на Лялина, а вслед за мной и Артем. Тот крикнул, подергал себя за усы и посмотрел мне в глаза, мудрить не стал и начал с главного.

– Убитая девка – любовница Деда. По крайней мере, была ею некоторое время.

– Черт, – скривился Артем, – только этого не хватало. – В его голосе слышалось едва ли не отчаяние. Небось вспомнил, как нам навешали, когда мы в прошлый раз пробовали бодаться с властью.

Тут оба посмотрели на меня.

– Для тебя это новость? – спросил Лялин.

– Нет. Со вчерашнего дня. – Я коротко поведала о разговоре с Риткой.

– Опять политика, мать ее. Что-нибудь затеяли, а девица в концепцию не укладывалась, – вздохнул Артем. – Кстати, твоя Ритка, может, и права, в самом деле под Деда копают, а уж как начнут копать, им удержу не будет, трупы их, похоже, не особо волнуют.

– Если Дед здесь каким-то образом... я просто высказываю предположение, – нахмурился Лялин, долгие годы в разведке приучили его к осторожности, – тебя не тронут. Прежде всего Дед не позволит, да и умные головы сообразят, что впутывать сюда нашу девушку себе дороже. – Я хотела сказать, что Лялин обо мне чересчур высокого мнения, но лишь махнула рукой. – Могу прозакладывать свою обеспеченную старость: убийство попадет в категорию нераскрытых. Глубоко копать ментам никто не позволит, а без этого никак. Отцы в погонах быстро поймут, чем это может грозить, следствие пойдет ни шатко ни валко, и через пару ме-

сяцев об этом убийстве постараются забыть.

– Считаешь, если мы полезем, сделаем только хуже? – с надеждой спросил Артем.

Лялин не ответил, он смотрел на меня. Я их прекрасно понимала: один служивый с двумя детьми, о которых он обязан думать, другой ушел с должности начальника охраны все того же Деда, наплевав на деньги, немалую власть, чтобы жить себе спокойно и не думать о всем том дерьме, которое непременно сопровождает власть и деньги. А я предлагаю им вновь рискнуть собственным спокойствием и, очень возможно, чем-то большим. Они хорошие люди и, если сейчас я скажу, что не отступлю, конечно, мне помогут. Вот только хочу ли я этого?

Я посмотрела на одного, на другого. Можно поставить вопрос иначе: сама-то я хочу еще раз влезть в это дерьмо? Ведь зарекалась. И Лялин прав: Дед не позволит ментам особо меня доставать, ну, потреплют нервы пару недель, а потом все сойдет на нет. Надо просто потерпеть.

– По большому счету, мне по барабану, кто ее убил, – ответила я. – Лишь бы в этом не обвинили меня. Вариант, когда дело окажется в категории нераскрытых, меня вполне устроит.

– Ага, – сказал Артем не очень уверенно, а Лялин вовсе не поверил, нахмурился, сверля меня взглядом. Я взидала на них с легкой придурью: мол, хоть дырку во мне протрите взглядом, ничего другого не услышите. Лялин сунул в рот

зубочистку, пожевал ее и заявил:

– Нам следует быть крайне осторожными. Лишних движений не делать, носа не высовывать. Собирать сведения по крупницам, пусть медленно, зато не привлекая к себе внимания. Встречаться тоже ни к чему, без острой на то необходимости. Звонить только на мобильный.

– Мне-то что теперь делать? – взмолился Вешняков.

– То же, что и вчера, только очень осторожно.

– Ага. Ладно.

– И давайте договоримся, – вздохнул Лялин, – если все дело действительно... сразу отбой. Я не трус, – зачем-то сказал он, никому из нас такое и в голову бы не пришло, – просто меня уже тошнит от трупов.

Они опять уставились на меня, а я кивнула:

– Заметано.

Через пять минут мы разъехались. Я вернулась домой, но пробыла там недолго. Решила заглянуть к Деду. Это было вопреки правилам, которые я сама же установила, но на то и правила... Не уверена, что душевный разговор получится, но попробовать стоит.

– Сиди дома, – направляясь к двери, сказала я Сашке.

Тут взгляд мой упал на зеркало, и я притормозила. На мне были джинсы, а Дед терпеть не мог баб в джинсах. Я всерьез задумалась, стоит переодеться или нет, и поплелась в гардеробную (и такая штука есть в моей огромной квартире), выбрала костюм, повертела и так, и эдак и в конце концов

облачилась в короткую юбку и белую блузку. Скромно и со вкусом.

На стоянке найти место оказалось делом не простым, с трудом приткнув машину, я вошла в здание с колоннами и внезапно почувствовала сердцебиение. Сердчишко забилося так, что я о нем вспомнила: мол, да, есть оно, как и положено, неустанно трудится в моей груди.

Милиционер, дежуривший на входе, растерянно улыбнулся, я припустилась к лифту, пока он не опомнился и не спросил пропуск. Впрочем, вряд ли ему это придет в голову, меня здесь слишком хорошо знают.

Я шла по коридору, иногда здоровалась с беззаботной улыбкой на физиономии, запретив себе думать о предстоящей встрече с Дедом. Еще вопрос, захочет ли он меня принять.

Ритка при моем появлении замерла, точно увидела привидение. Обнадеживающее начало, ничего не скажешь.

– Привет, – сказала она, косясь на дядьку, что тосковал в приемной.

– Привет, – ответила я, светясь улыбкой и делая вид, что в моем появлении здесь нет ничего необычного. Я кивнула на дверь в святая святых, а Ритка торопливо сообщила:

– У него совещание. Минут через двадцать должны закончить.

– Тогда подожду в баре, – продолжала я расточать улыбку.

ки. – Позвонишь, если он захочет меня принять.

Я направилась в бар, вгоняя в столбняк многочисленных встреченных мною граждан. На их лицах читалось изумление пополам с печалью.

В баре сидели человек пять мужчин, пили кофе, должно быть, тоже чего-то ждали, все дружно повернули головы в мою сторону, затем так же дружно отвели взгляд и далее смотреть на меня опасались. Я тоже заказала чашку кофе и просидела с ней полчаса до звонка Ритки.

Дед таращился в окно, сунув руки в карманы брюк, обычно так он готовился к неприятному разговору. Услышав, как хлопнула дверь, он не обернулся, я молча пристроилась на краешке кресла. Прошло минут пять, мы играли в молчанку, если у Деда есть на это время, я не возражаю, у меня самой его сколько угодно. Сообразив, что я никуда не спешу, он повернулся и смерил меня недовольным взглядом. Я смиренно потупилась.

– С чем пришла? – без намека на любезность спросил он.

«С миром, отец мой, с миром», – дурашливо ответила я, правда, мысленно.

– Кое-что прояснить. Вчера, когда ты вдруг позвонил, я решила, что ты обо мне заботишься. Теперь думаю, может, о себе?

– Что ты имеешь в виду? – нахмурился он.

– Я имею в виду, что ты хорошо знал убиенную.

Я ожидала, что он, по обыкновению, начнет юлить, но он удивил меня.

– Ну, знал, – сказал он просто.

– Ага, – кивнула я, малость не подготовленная к такому ответу. – Она случайно не могла скончаться по этой причине? – не осталась я в долгу, уж коли мы говорили сегодня начистоту.

Он взглянул на меня так, что захотелось залезть под стол, но я поборола в себе это желание и с придурковатым видом продолжала разглядывать своего друга. Вообще-то я готовилась к тому, что он вышвырнет меня из кабинета, но старый змей спутал все мои карты. Он устроился в кресле напротив, взял меня за руку и задушевно спросил:

– Скажи, почему тебе так хочется вцепиться мне в горло?

Против воли я вдруг почувствовала себя предателем, виноватой-то уж точно, только вот в чем?

– На самом деле нет, – ответила я сдержанно. – Я просто хотела жить себе спокойно, ни во что не вмешиваясь. А сейчас хочу знать: стоит ли искать убийцу?

– А что, менты уже вовсе ни на что не годны?

– Как только всплывет твое имя, они ослепнут и оглохнут. Пока у них единственный подозреваемый – я. Очень похоже, что другого не будет. Один умный человек предлагал мне сидеть тихо, починять примус и уверял, что дело спустят на тормозах.

– Умный человек – это Лялин, что ли? – спросил Дед.

– Ага, – не стала я отпираться.

– Я тоже считаю, что тебе ни к чему вмешиваться в расследование. Пусть менты работают. Но, зная твой характер... ты уже готова всех собак на меня навешать, поэтому я говорю тебе: найди убийцу, Детка. Я распоряжусь, чтобы тебе оказывали помощь. Хотя вряд ли ты в ней нуждаешься. Ну что, снова в бой? – В его голосе послышалась насмешка, что мне, по понятным причинам, не понравилось.

– Ты в самом деле этого хочешь? – усомнилась я.

– Забавно, что ты об этом спрашиваешь, – ухмыльнулся Дед. – Ведь тебе на это наплевать. Разве нет?

– Нет, – начала злиться я, – мне не наплевать. Очень бы не хотелось в очередной раз оказаться пешкой в чужой игре.

Дед поморщился, потом с достоинством ответил:

– Я не имею ни малейшего отношения к этому убийству. Ни малейшего. Более того, не желаю забивать этим голову, и так дел по горло. У тебя неприятностей не будет, даже если ты единственный подозреваемый, тут Лялин прав. Я тебя люблю и не премину воспользоваться своим положением, и меня не интересует, что по этому поводу решат другие.

– Звучит убедительно, – вздохнула я.

– Звучит? – нахмурился Дед. – Найди убийцу, Детка, – сказал он таким тоном, точно дарил шубу с царского плеча.

По идее, надо было бы подняться, послать все к черту, и Деда в первую очередь, уйти отсюда и жить долго и счастливо, но уж очень меня задел его тон, оттого я точно прикле-

илась к стулу.

– Хорошо, – кивнула я с улыбкой, – но тогда тебе придется ответить на несколько вопросов.

– Пожалуйста, – согласился он, хотя вопросы совсем не жаловал.

– Как долго длился ваш роман?

– Месяца три, три с половиной.

– Как она восприняла свою отставку?

– Как женщины воспринимают отставку? Решила, что я мерзавец. Наверное, так и есть.

– Что-то ты очень критичен к себе сегодня, – насторожилась я.

– Мы виделись от силы раз шесть. Познакомились на приеме, ее кто-то представил, даже не помню кто. Девушка оказалась на редкость предприимчивой. В общем, инициатива исходила от нее.

– Я думаю, девушка хорошо знала о твоих слабостях.

– Возможно, – не стал спорить Дед, чем вызвал у меня беспокойство, уж очень эта покладистость на него не походила. – Продолжать знакомство, с моей точки зрения, было ни к чему, но ей этого хотелось, а мне как-то неловко было отшить ее сразу. Дважды я приглашал ее на дачу, пару раз ужинали вместе, вот и все. Я надеялся, что все само собой сойдет на нет, но она вновь проявила настойчивость.

– Тебе это не понравилось?

– Конечно, нет. Я совершенно определенно дал ей понять,

что не вижу продолжения этой истории.

– А она ее видела?

– Наверное, – пожал плечами Дед.

– Как? Как она это видела? – пояснила я, понаблюдав за физиономией Деда, на которой отчетливо читалось непонимание.

– Ее фантазии меня не интересовали, – наконец ответил он.

– Но она ими делилась? – не унималась я.

– Что ты имеешь в виду?

– К примеру, она не говорила, что хочет выйти за тебя замуж?

– Да это смешно, – хохотнул Дед. – Человек моего возраста и положения не станет жениться на девчонке двадцати с небольшим лет.

– Действительно ни к чему, у тебя этих девчонок как грязи, а жена – это обременительно.

– Попридержи свои замечания при себе, – все-таки не выдержал Дед, а я поспешила извиниться.

– Это твоя точка зрения, – продолжила я, – но у нее была своя. Так она заговаривала о том, чтобы связать с тобой свою судьбу? Или нет?

Дед оценивающе смотрел на меня, явно что-то прикидывая.

– Да, – наконец сказал он, а я вновь спросила:

– Чтобы предложить тебе такое, надо иметь туз в рукаве.

Он у нее был?

– Хочешь сказать, она меня шантажировала? – нахмурился Дед.

– Она тебя шантажировала? – поторопилась узнать я.

– Конечно, нет. Говорю, мы встречались раз пять-шесть.

Чем она могла меня шантажировать? Рассказать, что я трахнул ее в какой-то подсобке на приеме? И я с перепугу женюсь на ней? Если так, то она просто дура.

Я вдруг ни к месту подумала, что Дед у нас еще ого-го. Не каждый в его возрасте отважится на такое, запала не хватит, а Дед запросто. Молод душой, за что любим сторонниками и уважаем врагами. Если Анна рассчитывала напугать его этим, то она в самом деле дура. Правда, остается еще кое-что.

– А она не могла быть беременной?

– Нет, – ответил Дед с каменным лицом.

– То есть она с тобой об этом не заговаривала?

– Слушай, мне шестьдесят лет, я уже давным-давно не глупый мальчик. И если я говорю нет, значит, нет.

Теперь я не сомневалась, Анна наверняка выставила этот аргумент и была уверена, что сможет убедить Деда, по крайней мере старалась убедить в этом себя, оттого и на яхте настойчиво твердила: «Он на мне женится». Дурочка, редкая дурочка, тут Дед прав.

Он недовольно сверлил меня взглядом, а в моей сумке зазвонил мобильный. Я забыла его выключить, хотя знала: Дед

терпеть не мог, когда нас прерывали. Я попробовала не обращать внимания на телефон, Дед поморщился и сказал:

– Ответь.

Звонил Вешняков.

– Извини, я занята, – торопливо сказала я.

– У меня новость, – заявил он. – Не интересуешься данными вскрытия?

– Если можно, коротко, – косясь на Деда, попросила я.

– Девчонка беременна. – Я уставилась куда-то в пол, избегая глаз своего друга, он наверняка Вешнякова слышал, потому что сидел совсем близко. – Срок – двадцать недель. Ну, как тебе?

– Поговорим об этом позднее. – Я торопливо отключилась.

Дед сидел багровый, зубы сцеплены так, что того гляди раскрошатся. Я его понимала, очень неприятно, когда тебя вот так ловят на лжи.

– Ты этот звонок нарочно подстроила? – грозно спросил он. Я, признаться, растерялась.

– Ты меня явно переоцениваешь. Так она говорила тебе, что беременна?

– Говорила, – сказал Дед. – Как видно, считала меня старым идиотом. Какой срок?

– Двадцать недель, – пожала я плечами. – Около пяти месяцев...

Он поднялся и неожиданно покинул кабинет. Ситуация

складывалась скверная, но, признаться, меня не удивившая. Разумеется, я ни секунды не думала, что Дед или кто-то из его окружения способны избавиться от девчонки из-за ее беременности. В конце концов, Дед – вдовец и кое-какие радости мог себе позволить. И позволял, не бравирюя этим, но и не особенно скрываясь, так что в конце концов эту его слабость стали считать достоинством. Опять же, Дед по-своему человек порядочный, и хотя насчет замужества девушка мечтала напрасно, но на материальную помощь могла рассчитывать смело, причем немалую, а там, расчувствовавшись, ведь своих детей у него нет, Дед вполне мог жениться или хотя бы усыновить чадо. Причина убийства в другом, и ее придется доискиваться долго, упорно, и еще вопрос, принесет ли это удовлетворение. Иногда можно такое откопать, что сама себе охотно надаешь по рукам. Я поморщилась, точно уже наткнулась на что-то неприятное, и подумала: а может, Лялин прав, послать все это к черту, пусть менты в чужом белье копаются, а потом думают, что с ним делать, не с бельем, а с тем, что откопают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.